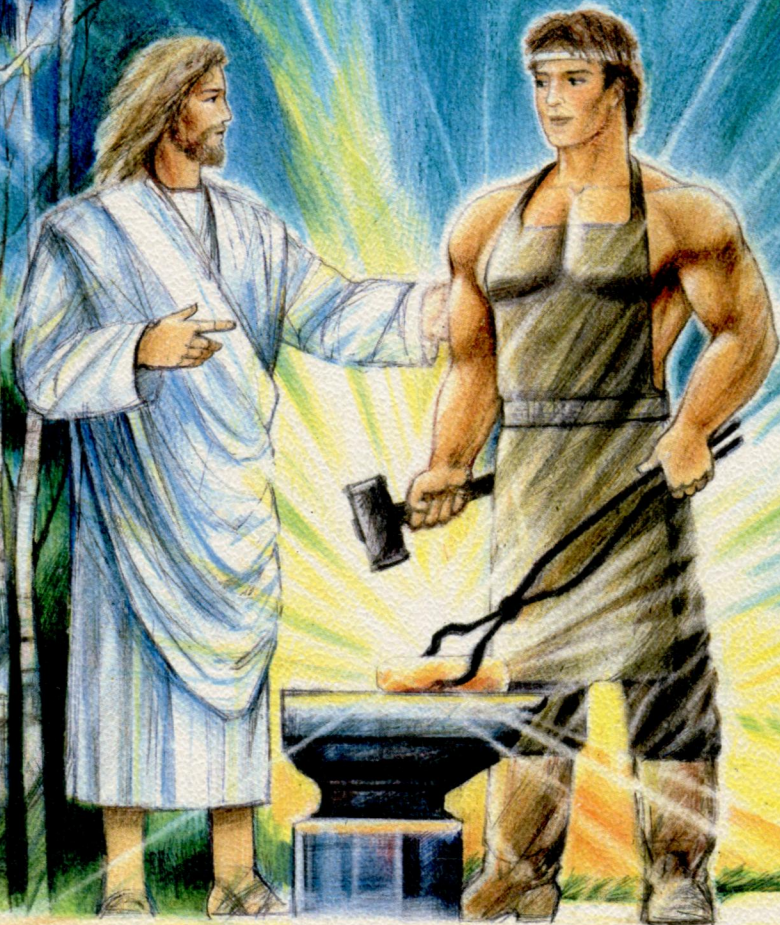

84.2(3)Вен
Б79

6+

Вöвлöмтор? Али вöвлытöмтор?

Быль?
Или небыль?

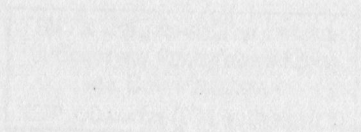
МАДЬЯР ПРИТЧАЯС

ВЕНГЕРСКИЕ ПРИТЧИ

МАДЬЯР ПРИТЧАЯС

Венгерские притчи

Н. Д. Мамонтова

См. также

2010/10

Коми Республикаса национальной политика министерство

Коми государственной педагогика институт

ВӨВЛӨМТОР? АЛИ ВӨВЛЫТӨМТОР?

МАДЬЯР ПРИТЧАЯС

Вуджөдісны коми да роч кывьяс вылө
Н. Д. Манова да О. Сёги

Сыктывкар
2010

84.2(3)Бен
В79

Министерство национальной политики Республики Коми

Коми государственный педагогический институт

БЫЛЬ? ИЛИ НЕБЫЛЬ?

ВЕНГЕРСКИЕ ПРИТЧИ

Перевод с венгерского
на коми и русский языки Н. Д. Мановой и О. Сёги

ГБУ РК «Национальная коми-пермяцкая
библиотека Республики Коми
им. С.Я. Маршака»
167981, г. Сыктывкар, ГСП-1, ул. Советская, 20

415395

Сыктывкар
2010

УДК 398.2(=945.11)
ББК 82.3(4Вен)
Б95

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства национальной политики Республики Коми*

Рецензенты:

Ведерникова О. В. – канд. филол. наук, декан факультета педагогики
и методики начального образования Коми пединститута
Белорусова С. И. – руководитель Финно-угорского культурного центра
Российской Федерации
Чуднов А. П. – педагог дополнительного образования
Центра эстетического воспитания детей № 38, историк

Составители: Н. Д. Манова, О. Сёги

Б95 **Быль? Или небыль?** Венгерские притчи / сост. и пер. с венгер.
Н.Д. Манова и О. Сёги. – Сыктывкар : Коми пединститут, 2010. –
76 с.

ISBN 978-5-87661-169-7

Вёвлёмтор али вёвльгёмтор, но бд абу дзик и мойд. А мед и мойд кё, бд
сэнй йёзлён сюсьлун, вежёрлун. А кыз сйё петкёлчё мёд сикас йёзлён,
шуам, венгръяслён?

То ли быль, то ли небыль, а только ведь и не совсем сказка. Но если и
сказка, то в ней мудрость народная. А как она передаётся у других народов,
например, у венгров?

УДК 398.2(=945.11)
ББК 82.3(4Вен)

ISBN 978-5-87661-169-7

© Министерство национальной политики
Республики Коми, 2010
© Коми государственный педагогический
институт, 2010
© Манова Н. Д., О. Сёги, перевод
на коми и русский языки, 2010
© Шарипков Г. Н., обложка, 2010

Юриндалысь

Содержание

1. Медбурысь медбур мастер	7
1. Всем мастерам мастер.....	8
2. Иисус да горш нывбаба.....	10
2. Иисус Христос и жадная женщина	11
3. Вёлö пöртчöм поп	12
3. Священник, превратившийся в лошадь	13
4. Иисус водзö содтö гöль мортлысь скöт лыдсö	16
4. Иисус Христос приумножает стадо овец бедняка	17
5. Иисус да дорччысь	20
5. Иисус и кузнец	20
6. Октавиан император.....	22
6. Император Октавиан.....	23
7. Пöрьясьысь чиган	24
7. Плutowатый цыган.....	28
8. Озыр морт да ангус	32
8. Богач и чёрт	34
9. Вежа Петыр аддзис кольтусь пулысь тырмытöмтор	36
9. Святой Пётр нашёл недостаток у орехового дерева	36
10. Вежа Петырлөн мамыс.....	38
10. Мать святого Петра.....	39
11. Дыш зон да уджач ныв.....	40
11. Ленивый парень и трудолюбивая девушка	41

12. Вежа Петырлөн кесйылбсьяс	42
12. Слуги святого Петра	43
13. Иисус да вежа Петыр му кузя ветлбдлбны	44
13. Иисус и святой Пётр странствуют	45
14. Вежа Петыр осёлбс вузалб	47
14. Святой Пётр продаёт осла	48
15. Мыйла вежа Петыр куш юра?	49
15. Почему святой Пётр лысый?	49
16. Мыйла тшупсьысьяс вежа Петырбс пинялбны	51
16. Почему плотники ругают святого Петра?	52
17. Вежа Петыр да дзодббглбн пражитбм кок	54
17. Святой Пётр и нога жареного гуся	55
18. Черешня	56
18. Черешня	57
19. Кытчб вошис баялбн мускыс?	59
19. Куда пропала печень ягнбнка?	64
20. Горш мортбс накажитбм	69
20. Наказание жадному человеку	71

1. Медбурысь медбур мастер

Иисус, му кузя ветлөдлігас, воис өтчыд өти сиктө. Мунö Иисусыд дорччанін дорөд дай аддзö гижөд: «Медбурысь медбур мастер». Довкйөдлыштис юрнас дай думыштчис. Сэсся пырис дорччысь дорө да шуис: «Ме дорччысьö велөдча да көсья медасыны удж вылө. Ме быдсяма уджө окотапырысь босьтча, но медся ёна радейта вöчны киподтуя удж».

«Но бур инö», – вочавидзис дорччысь да босьтис сійöс отсасысьöн.

Регыдөн өти өксай вайөдис вöвсö дорөдны. Дорччысьыд и тшöктис отсасысьысла өксайлысь вöвсö дорны.

Иисус матыстчис вөв дорад, вундис сылысь коксö, топөдис зэвтöсөн, сэсся подков намет вöчис, көрт тувьясөн тувьяліс, мыйөнкө коксö мавтыштис дай пунктис важинас. Вөвлөн кокыд зэв бура ладмис, лоис, кызди и вөлі. Татшөм ногөн Иисусыд дорис став нельнан коксö. И вөв месайыдлы, и дорччысьыдлы отсасысьлөн уджыс сьөлөм выланыс воис.

Куим лун чөж уджаліс Иисус дорччысь дорын, а сэсся и муніс.

А сійö кадö локтис дорччысь дорө мөд өксай, вöвсö жö дорөдны. Дорччысьыд өнтай сюся видзөдис, кызди отсасысьыс дорис өксайлысь вöвсö, да стöч сідзи и вöчис, кызди сылөн велөдчысьыс. Дорччысьыд вөвлысь коксö вундис, зэвтöсö топөдис, подков намет вöчис, көрт тувьясөн тувьяліс, сэсся вөвлысь коксö мыйөнкө мавтыштис, – а вөлыдлөн кокыс местаас эз йитчы. Мый и вöчны?! Мый и вöчны?! Öд кутшөм ыджыд лектор лои вөчöма аслыс дай вөв месайлы!

Тэрыба ыстис дорччысьыд отсасысьысла. Гашкө, вөтöдасыны на сійöс. Мед пö өдйö бөр локтас. Суөдісны! Иисусыд воис бөр, пунктис вөвлысь коксö местаас. Кокыс

вӧлыдлӧн лои важ кодъыс, кутшӧм и вӧлі. Сэки и шуис Иисусыд мастерыдлы:

– Аддзан, тэ гижӧмыд татчӧ «Медбурьсь медбур мастер». Вушты тайӧ гижӧдтӧ да сы пыдди гиж сӧмын «Дорччысь».

1. Всем мастерам мастер

Иисус Христос, странствуя по земле, забрёл как-то в одну деревню. Проходит Иисус мимо кузницы и видит, на кузнице написано: «Всем мастерам мастер». Покачал он головой да и призадумался.

Зашёл к кузнецу и сказал, что он кузнец-подмастерье и хочет наняться к мастеру на работу. Сказал, что любую работу охотно выполнит, но более всего любит он тонкую работу. Ну что же, взял кузнец его помастерьем.

Приводит как-то один господин лошадь свою подковать. Кузнец и велит подмастерью подковать её.

Подходит Иисус к лошади, отрезает ей ногу, зажимает её в тиски, выкраивает подкову, забивает её гвоздями, затем чем-то смазывает, а потом вставляет ногу лошади на прежнее место. Нога лошади оказалась точь-в-точь как и прежде. Так подковал он все четыре ноги лошади. Работой подмастерья были довольны как хозяин лошади, так и кузнец.

Три дня прослужил Иисус у кузнеца, а потом ушёл.

Приходит к кузнецу другой господин тоже подковать лошадь. Кузнец внимательно наблюдал, как подмастерье подковывал лошадь первого господина, и сделал то же самое, что и молодой ученик. Отрезал ногу лошади, зажал её в тиски, выкроил подкову, забил её гвоздями, смазал её чем-то, – однако ж нога не срослась. Что же делать-то? Что делать?! Ведь такой большой ущерб нанёс он и себе, и хозяину лошади!

Спешно послал кузнец за ушедшим подмастерьем. Может, ещё догонят его. Пусть, мол, быстро возвращается. Догнали! Иисус возвратился, вставил на место ногу лошади. Нога стала такая же, как и прежде.

Тогда Иисус и сказал мастеру:

— Видишь, ты написал сюда «Всема мастерам мастер». Сотри-ка ты это и напиши просто «Кузнец».

2. Иисус да горш нывбаба

Отчыд Иисус, му кузя ветлөдлігас, пырис өти горш нывбаба ордө да, голь мортө пөртчөмөн, корис нывбабалысь няньтор.

– Сеті эськө окотапырысь, – шуис горш нывбабаыд, – сөмын өні чиртор абу. Воны, бур мортөй, аски: аски пөжасьны кута.

Аскинас нывбабаыд нянь көтіс, вөсньөдчис. Аслыс вель ыджыд тупөсь артмис, а голь мортыдлы чукөртис колясьяссө да мыйкө тай артмис жө-а. Сюйис пачас. Аттө дивө! Голь мортыдлы няньыс артмис телега гөгыль ыжда, а аслыс нывбабаыдлы – сөмын ичөтик тупөсь.

– А өд тэ, коньөрөй, – думыштис горш нывбабаыд, – ни өти тор он курччы татысь!

Ылісянь на аддзис нывбабаыд голь паськөма морттө да тшөктис нылыслы: кор пө пырас голь мортыс керкаас, медым нылыс висьталас, мый мамыс абу гортас. А ачыс өдйө дзебсис важ пеласян вор улө да ньөжмыд пөрысь черепаха кодь лои.

– Ой, дядьөй, донаөй! Мамө абу гортын, – голь паськөма мортыдлы паныд котөртис нывка.

– Сідзкө, медым нэм кежлө коляс сэтшөмөн, код вылө өні сійө мунө, – шуис Иисус. Да сійө жө здукө горш нывбабаыд черепахаө пөрис.

2. Иисус Христос и жадная женщина

Однажды Иисус Христос, странствуя по земле, забрёл к одной жадной женщине и, приняв облик бедного человека, попросил у неё немного хлеба.

– Дала бы я тебе, – сказала жадная женщина, – но сейчас ни кусочка хлеба нет. Приходи, мил человек, завтра: завтра печь буду.

На следующий день замесила она тесто, раскатала. Себе довольно большой каравай приготовила, а для бедного человека собрала остатки теста да и слепила, что уж там получилось. Поставила хлеб в печь. Но что за чудеса! Для бедняка хлеб испёкся размером с колесо телеги. Для себя же испечённый хлеб совсем крошечным оказался.

– А ведь ты, бедняга, – про себя подумала жадная женщина, – не откусишь от этого каравая ни кусочка! И вот, завидев его издали, наказала она своей дочери: как только бедняк войдёт в дом, та должна сказать, что матери нет дома. А сама быстро спряталась под старое серое корыто, так что похожа она стала на старую неповоротливую черепаху.

– Ой, дяденька, родненький! Нет дома мамы, – побежала девочка навстречу бедному человеку.

– Тогда пусть она на веки вечные останется такой, на кого она теперь похожа, – сказал Христос. И в мгновение ока жадная женщина превратилась в черепаху.

3. Вёлö пöртчöм поп

Öтчид мөдөдчис поп сьод няньла – еджыд няньсьыс умöма да. Мунігас паньдасисны сылы кык ветлысь-мунысь. Найö юалöны сылысь:

– Кытчö мунаң, батышко?

– Корся аслым сьод нянь. Уми нин ме еджыд няньсьыс.

Ветлысь-мунысьыд öта-мөд вылас видзөдлісны дай öтиыс мөдыслы шөпнитіс:

– Кыскы нопсьыд сермөд да кучкы сійөн батышколы юрас.

Кучкис поптö сермөднад юрас, да батышкоыд вөлö пöртчис.

Паньдасис ветлысь-мунысьыдлы гөль морт. Юасьöны сылысь, кытчö муно.

– Ярманга вылө муна вөв ньöбны. Менам челядьöй уна, ог вермы найöс вердны.

– Босьт инö тайö вөвсö, во чөж верман уджавны сійөн. Пу пилипызь кыңдзи, сійöс нинөмөн оз позь вердны. Стöч во мысти татчö локтам, да тэ миянлы бөр сійöс сетан.

Во мысти гөль мортыд вайөдіс вөвтö, кытысь босьтіс. А тöдса ветлысь-мунысьыд сэні нин. Юалісны найö гөль мортыдлысь:

– Мый тэ најөвитін тайö вөвнас, гөль морт?

Сійö вочавидзö:

– Öти вөлöс најөвиті.

– Сідзкö, босьтлы нöшта на öти во кежлö, најөвитчы.

Кор коли и тайö воыс, ветлысь-мунысьыд бара юалöны:

– А öні мый тэ најөвитін?

– А најөвиті ме нöшта öти вөлöс. Тайөн кө тшöтш, менам куим нин,

– Ладнö, босьтлы нöшта öти во кежлö, најөвитчы.

Нажөвитіс сійö нöшта вонад телега. Öти ветлысь-мунысьыд и шуö:

– А ӱнӱ нӱд тӱйӱ вӱвсӱ сӱ эсӱйӱ сиктас. Домав сӱйӱс батюшколӱн гидняс.

Вайӱдӱс мортыд вӱвтӱ батюшко гидняӱ. А попадьяд тӱйӱ каднад ӱна гӱльмӱма. Лӱкиник мӱс кындзи, нинӱм сылӱн абу нин кольмӱма. Петӱс попадьяд ӱти водз асылӱ мӱссӱ лысьтыны, а сӱнӱ вӱв ветлӱдлӱ да урӱдитӱ. Кватитӱс попадьяд куйӱд лӱбын да кыз тӱй косьыштас йӱй вӱвтӱ. Видзӱдӱ да, вӱв юрсьыс сермӱд тыдалӱ. Кутчысис сермӱдас да кутӱс кыкыны. Кыскис да кыскис, кытчӱдз дзоньнас эз кыскыссы. Сӱдзи сӱрмӱдтӱ кыскигад и гортӱдзыс воис. Вӱлыд бӱр попӱ пӱртгис. Пырӱ керкаас, а гӱтырыс и юалӱ:

– Кӱн нӱ ӱнӱдз вӱлӱн?

– Кӱнӱ вӱлӱ?.. Вӱлӱн ме куим во чӱж вӱлӱ. Пу пилипысь кындзи, нинӱм эг сӱйлы. А тӱ менӱ нӱшта на и лӱбынӱн гӱститӱдӱн.

ӱна и омӱльтчӱма вӱлӱм кыз попыд.

3. Священник, превратившийся в лошадь

Отправился как-то священник за чӱрным хлебом – надоело ему белый хлеб есть. На своӱм пути встречает он двух странников. Спрашивают они у него:

– Куда путь держишь, батюшка?

– Ищу себе чӱрный хлеб. Надоело мне только белый хлеб есть.

Два странника переглянулись, и один тихонько говорит другому:

– Достань из котомки узду да ударь им священника по голове.

Ударил странник уздой его по голове, и священник превратился в лошадь.

Встречается странникам бедняк. Спрашивают его, куда тот идёт.

— Иду на ярмарку лошадь покупать. У меня детей много, не могу их прокормить.

— Ладно, возьми эту лошадь, можешь пользоваться ею год. Но ничем другим, кроме опилок, не корми. Ровно через год мы сюда придём, и ты отдашь нам её.

Через год бедняк возвращается с лошадыю на прежнее место. А там уж два знакомых ему странника. Они спросили у бедняка:

— Что ты заработал этой лошадыю?

Он говорит:

— Одну лошадь заработал я.

— Ну, ладно, забирай её еще на один год, зарабатывай.

Когда прошёл и этот год, странники снова спросили:

— А сейчас что ты заработал?

— Заработал я ещё одну лошадь. Вместе с этой у меня уже три лошади.

— Ну, ладно, заведи её ещё на год, зарабатывай!

Заработал он за этот год на телегу. Вот и говорит один странник:

— А теперь отведи-ка ты эту лошадь вон в ту деревню. Привяжи её в конюшне священника.

Привязал бедняк лошадь в конюшне. А матушка к этому времени уже обеднела. Ничего у неё не осталось кроме плохонькой коровёнки. Вышла матушка рано утром корову доить, ну а лошадь ходит вокруг да гадит. Схватила она железные вилы и хорошенько огрела дурную лошадь. Глянь: а из головы лошади узда торчит. Схватила она за узду и давай её вытягивать, пока узда совсем не вылезла из головы. Так с уз-

дой-то она и до дому дошла. И лошадь превратилась в священника. Входит он в дом, а жена спрашивает:

– Где же ты был до сих пор?

– Где я был?... Лошадью я был три года. Ничего я не ел кроме опилок. А ты меня ещё и вилами попотчевала.

Ох, и сильно же исхудал толстый священник.

4. Иисус водзё содтё голь мортлысь скёт лыдсё

Отчид Иисус вежа Петыркөд ветліганыс ёна мудзисны дай тшыгъялісны. Нинём гөгөр эз вөв: ни сикт, ни торья керка, – кытчө эськө найө вермисны пыравны. Вежа Петыр видзөдліс гөгөр дай шуө Иисусыдлы:

– Оксайой, аддза ме эстөн скёт йөр. Ветлам кө сэтчө-а, гашкө, и аддзам сэтысь кодөскө.

Мунісны да мунісны, коркө и воисны скёт йөр дінө. А сэні сөмын өти голь ыж видзысь, вөлөмкө, оло, видзё месайыслысь ыжъяссө. Видзаасисны сыкөд ветлысь-мунысьяс. Ыж видзысьыд сёлөмсянь видзаасис накөд, пуксьөдіс найөс, дай пансис на костын сёрни.

Иисусыдлөн ёна нин кынөмыс сюмалө да, сійө и шуө ыж видзысьыдлы:

– Бур мортй, вердышт миянөс мыйөнкө, ми тшыгөсь.

Голь мортыд думыштчис: мыйөн эськө вердны локтысьясөс. Нинём сылөн эз вөв, чорыд нянь да ичөтик баляпи кындзи. Месайыслөн эськө ыжыс и уна, да өд сійө оз вермы начкыны ни өтиөс. Полис, мый месайыс скөрмас, дай ачыс бура төдіс: мый абу тэнад – оз вермы лоны тэнад, мед көть сійө тэнад батыдлөн вөлі. Мөвпалө ыж видзысьыд: «Вердысьөй дай енмөй, начкыны ли мый ли баляөс? Либө не начкыны? Начка кө, оз ло менам баляөй. А ог кө начкы, сійөн ог жө нин озырмы-а. А, мый лоө – ло! Начка!» Кыскис сапөг чөрөссьыс югъялысь пурт, кутіс балясө, начкис дай пуис паприкаш.

Кор паприкашыс пусис, Иисусыд да вежа Петырыд пуксисны пөрт дорө да азыма пондісны сёйны, а голь мортыд сөмын видзөдлывлө налань да виччысьө, колясны оз сылы сёянторсө, өд сійө и ачыс ёна тшыгъяліс. А гөсьтъясыд и вид-

лыны эз кольны, ставсö сёйсны, торпыриг весиг эз кольны пöртас. Пажын бöрас Иисус и шуö вежа Петырлы:

– Петыр, чукöрт став лысö медбöрьяöдз!

Петыр кывзисис, чукöртис льяссö, а Иисусыд суйис найöс дукöс соскас. Рыгнас, кодыр ыж видзысьыд унмовсис, мунис Иисусыд ыж йöр динö дай шыблалис льяссö ыжъяс костö. Быд лы, быд лы чир пöртчис ыжö, и быдöнлөн мышкас ыж видзысьлөн тöдчöдана пас ляскөдöма лои.

Тайö вöвлытöмторсö вöчöм бöрын Иисус да вежа Петыр надзöникөн мунисны, ыж видзысьлы кыв ни джын шутöг.

Мöд асылö, кор ыж видзысьыд садьмис, видзöдö да адзö йöрас öтдор ыжъясöс, да öд öтдор ыжыс помтöм лыда! Гашкö, куим пöв унджык месай дорсьыс. Да öд нöшта на кутшöм дивö: быд öтдор ыжлөн мышкас ыж видзысьлөн аслас пасыс! Аттö дивö! Кыдзи тайö вермас лоны?! Öд ыж видзысьлөн ни öти ыж абу: буретш тöрыт рыгнас медбöрьясö начкис гöсьтъясыслы.

Кутис корсьны ыж видзысьыд гöсьтъяссö, а налөн и дукуысылöма. И гөгөрвоис сэки ыж видзысьыд, мый тайö ыжъяссö некод эз вермы сылы сетны, Иисус кындзи. И ыж видзысьыд сетис аслыс кыв: коляс кö сылөн кöть сöмын öти грöш, сийö и сэки отсалас, мыйөн вермас, корысьлы да йöрмöм мортлы.

4. Иисус Христос приумножает стадо овец бедняка

Однажды Иисус Христос, странствуя со святым Петром, очень устал и проголодался.

Ничего не было в бескрайней степи, ни одного хуторка, куда бы могли они заглянуть. Но вот Петр огляделся вокруг и говорит Иисусу:

415399

17

ГБУ РК «Национальная детская библиотека Республики Коми им. С.Я. Маршак»
167981, г. Сыктывкар, ГСП-1, ул. Советская

– Господин, я вижу там загон, пойдём туда, может, и найдём там живую душу.

Шли-шли они и наконец подошли к загону. А там только один бедный пастух жил, стерёг он овец своего хозяина. Поздоровались странники с этим человеком, тот сердечно принял гостей, усадил их, и завязался между ними разговор. Но Иисус уж порядком проголодался да и говорит пастуху:

– Вот что, добрый человек, дай нам что-нибудь поесть, мы так голодны!

Бедняк задумался: чем же угостить путников – не было у него ничего, разве только кусок чёрствого хлеба да маленький ягнёнок. У его хозяина-то овец было предостаточно, но не мог он зарезать ни одну из них: боялся, что хозяин рассердится, да ведь и знал он: что не твоё – быть твоим не может, даже если это твоему родному отцу принадлежит. Думает пастух, размышляет про себя: «Ох, боже мой, зарезать что ли моего барашка единственного? Или не резать? Если зарежу, то не станет его, если не зарежу, всё равно уж не разбогатею. Ну, была не была! Зарежу!» Вынул он из голенища сапога нож с блестящим лезвием, поймал ягнёнка, зарезал его и сварил паприкаш.

Когда сварился паприкаш, Иисус и Петр сели возле чугуна и начали с большим аппетитом есть, а бедный пастух только поглядывал в их сторону и ждал, оставят ли ему еды, – ведь и сам он изрядно проголодался. А гости даже и попробовать не дали, всё съели, ни кусочка не оставили в чугунке. А когда поужинали, говорит Иисус Петру:

– Ну-ка, Петр, собери все кости до единой!

Петр послушался, собрал кости, а Иисус засунул их в рукав армяка. Вечером, когда пастух уснул, пошёл Иисус к загону и разбросал кости среди овец. И каждая косточка превратилась в овцу, да на спине каждой овцы – клеймо пастуха.

Совершив это чудо, Иисус и святой Петр покинули загон, ушли, не сказав пастуху ни слова.

На следующее утро, когда пастух встал, видит он в загоне овец, видит, что чужих овец великое множество: в три раза, наверное, больше, чем хозяйских. Только вот ещё какое чудо: на всех чужих овцах клеймо его, пастухово! Подумать только! Как же это может быть? Ведь нет у бедного пастуха ни одной овцы: вчера вечером как раз последнюю зарезал для своих гостей!

Стал искать пастух гостей, а их и след простыл. И понял он тогда, что тех овец никто не мог ему дать, а только лишь Иисус. И дал пастух себе зарок: будь у него хоть одна единственная монета, он и тогда поможет, чем сможет, бедным да нуждающимся.

5. Иисус да дорччысь

Ќти сиктын Иисус аддзис дорччанін дорын пукалысь пёрысь мортёс. Иисусыд юаліс:

– А тэ, бур морт, мыйла тані пукалан?

Поль вочавидзис сылы:

– Сы вёсна, мый пёрысь нин ме. Уджавны ог вермы. А окота эськё вёлі, медым нёшта ётчыд томён лоны да уджалыштны!

Друг Иисусыд босьтіс пёльтё, пуксьёдіс сійёс донёдчаніно, сывдіс, дорччысьлён отсасьысьяс наковальня вылын дорисны сійёс выльысь. Пёльыд лоис том мортён. А Иисусыд водзё муніс аслас туйёд.

Дорччысьлён тьощаыслы тшётш окота лои томмёдчыны. Сёмын кыліс сійё татшём дивё йывсьыд, пыр и тшёктіс зятьыслы сідз жё томмёдни асьё.

Шыбитіс дорччысьыд тьощасё донёдчанінас. Ќтчыд и чирёстіс дай сотчис.

Эз артмы дорччысьлы вёчны сійёс, мый вермис Иисус.

5. Иисус и кузнец

В одной деревне Иисус увидел человека, сидящего возле кузницы. Спросил Иисус:

– А ты, добрый человек, почему сидишь здесь?

Старик и отвечает ему:

– Потому, что стар я уже. Работать не могу. А хотелось бы мне ещё раз молодым побыть да поработать!

Иисус вдруг взял старика, посадил его в горн, расплавил, кузнецовы подмастерья на наковальне выковали его заново, и вот предстал перед ними молодой человек. Старик стал молодцем. А Иисус пошёл дальше своей дорогой.

Тёще кузнеца тоже захотелось стать молодой. Как только прослышала она про такое чудо, то велела зятю омолодить её.

Бросил кузнец тещу в горн. Взвизгнула она разок да и сгорела.

Не удалось кузнецу сделать то, что удалось Иисусу.

6. Октавиан император

Зэв важён оліс-выліс Октавиан нима император. Чайтö вöлі сійö, мый Енмыс абу нин, да пыр вöлі шуö: «Абу тайö му вылас Енмыс меысь ыджыдджык!»

Коркö öтчыд мөдöдчис императорыд купайтчыны. Пöрччысис, пырис купайтчанинö, а паськөмсö да вöвсö колис саридз дорö. Купайтчигкостыс аньдел воис, пасьталіс императорлысь паськөмсö, пуксис вöв вылас дай мөдöдчис дворечö, императрица дорö.

Октавианыд петіс васьыс да аддзис, мый паськөмыс абу. Гусялісны! Мый öні и вöчны сылы, пасьтöм императорлы?! «А нинöм он и вöч,» – мөвпыштіс императорыд дай мөдöдчис сійö подөн да пасьтөг, быттö гöль морт. Сöмын эз лэдзны сійöс дворечас. Вєсьшөрö висьтасис, мый сійö император, кöть и пасьтөг, гöль морт моз, гортас воис.

А аньделыд дворечад вöлі, дерт. Сійö император паськөмнад збыль император кодь и эм.

Императрицаыд тшöктіс нёръявны ина императортö. И нöйтöны сійöс, и вöтлöны, а сійö оз мун, пыр öтитор дольö: император пö ме. Весиг и чунькытшсö петкөдліс. А некод оз эскы сылы!

Коркö сэсса аньделыд корис жö сійöс ас дінас да сетіс бөр паськөмсö. И шуис сылы аньделыд: «Тадзи вöчи ме сы понда, мый ёна тэ вельмин, вывті вылö кутін асьтö пуктыны». И юаліс аньделыд императорыдлысь: «А öні кутан-ö шуны, мый тэ кындзи, мөд Енмыс абу?»

Тадзи со императорыд яналіс да сійö кадсяныс эз нин ло сэтшöм ышнясьысьөн. Аньделыд вошис, а императорыд дворечас кольччис. И олö – шоглун оз тöд!

6. Император Октавиан

Давным-давно жил-был один император, Октавианом звать. Думал он, что Бога уже нет и всегда говорил: «Нет на свете Бога превыше меня!» Как-то пошёл он купаться. Разделся, вошёл в воду, а одежду свою да коня оставил на берегу моря. Пока он там купался, прилетел ангел, облачился в императорские одежды, сел на коня и отправился во дворец, к императрице.

Когда Октавиан вышел из воды, увидел, что одежды его нет. Украли! Что же теперь делать ему, нагому императору? «Ничего тут не поделаешь», – подумал про себя император и пошёл он домой пешком да нагишом, подобно нищему.

Только не впустили его во дворец. Напрасно говорил, что он император, хоть и нагим, подобно нищему, возвратился домой.

А ангел тот, конечно, во дворце был. Облачённый в одежду императора, он был как настоящий император.

Императрица повелела выпороть розгами истинного-то императора. И пороли его, и прогоняли, но тот не хотел уходить, всё твердил, что это он – настоящий император. Показал он даже кольцо на пальце. Да никто не поверил ему!

Только уже потом ангел позвал его и отдал ему его одежды. И сказал ему ангел: «Я с тобой поступил так, потому что ты зазнался». И спросил ангел у императора: «А теперь будешь ли ты говорить, что нет иного Бога, кроме тебя?»

Вот так император опозорился, и с тех пор больше он не заносился. А ангел исчез, император же вновь остался во дворце. И живёт себе припеваючи.

7. Пөрьясьысь чиган

Оліс-выліс өти чиган. И вөлі сылөн сымында челядь, мый-та розь пожйын. Весиг керкааныс оз нин төрны, да батыслы ёна и шуштөм лои.

Пөрысь чиганыд мөвпаліс-мөвпаліс дай өтчыд туйө мөдөдчис, муыгыдсө видзөдлыны. Өд вердны татшөм котырсө оз вермы, да юрас сөмын өтитор и бергалө: гашкө, кутшөмкө бур мөвп воас.

Сідзи и муніс, а челядьсө гортас коліс. Мунө сійө видз вывті, эрдаинті, да аддзө: видз шөрын ыж гид сулалө. Пырис сійө ыж гидъяд, а сәні ыж видзысь ыжсө лысьтө. Чиганыд и шуө сылы:

– Кылан, ыж видзысь, сет меным йөвтор.

Ыж видзысьыд вочавидзис, мый оз вермы сетны, өд абу сылөн йөлыс, а повзьөдлан гундырлөн.

Сөмын «гундыр» кывсө чиганыд оз вөлөмкө төд. А вөлі чиганыдлөн сьөрсьыс неыджыд тупөсь нянь, скойис сійөс пөдөнчаас, да сідзи, мый пөдөнчаас йөлыс эз коль, пыдөсөдзыс ставсө няньыс йиджтіс.

– Но, виччысьлы, чиган, сюрас тэныд, кодыр гундыр воас!

– Сідз ме сыысь и повзи! Ачым ме сылы петкөдла!

– Сідз тэ меным и петкөдлан! – кыліс өдзөссиянь скөр горөдөм.

Аддзөны найө: буретш гундырыд и воис. Чиганыд повзьөмысла нянь тупөсьсө весиг уськөдіс му вылас.

– Да, да, петкөдла ме тэныд! Коді эськө тэ и эм-а? Тэ прөстө некытчө туйтөм гундыр! А ме – быдтор вермысь чиган! Локыл татчө! О, а ветлөдлан тэ мыр моз! Да ме тэысь йөв пызырта!

Гундырыд падмёмён бёрынтьчис татшөм лёк кывъяссьыс.

– Ладнө нин, ёртёй, колльчы мяянкөд. Сэтшөм кө нин тэ ён, тэнад тані пыр лоё нянь да сов.

– Но инё, кольчча, мор мед тэнё нуас, пеж лов! И медым ставыс сідз лоё, кызди ме тшөкта, – оз инась чиганыд, быттьё корольён сійё вөлі.

Кор воисны найё гундыр оланінас, гундырлөн мамыс чукөстис писё ас дінас дай шуё:

– Нуод чигантё сажйё. Помнитан, сэні черешня пуным сулалё? Тшөкты чиганыдлы, медым пу вылас каяс черешня өктыны, а пуыд нин ачыс сылы водзөссө мынтас.

Мунісны найё сажйё. Гундырыд вайөдіс чигантё пу дорё, медым сійё видлас черешня тусьсө. Кайис чиганыд пу вылө, но сөмын сійё инмөдчис тусьөдзыс – мыніс пу вывсьыд да сідз усис, мый коксө вөрзёдіс. А чиган усигад стөч сэті көч вөлі котөртё, да чиганыд веськыда көч вылад и усис. Көчыд горөдіс: «Мед тэнад кокыд косьмас!»

Лэбыштис гундырыд чиган дорё дай шуё:

– Аддзан, верми ме тэнё!

– Тэ? Вермин? Менё? Ок-ок-ок! Да медым тэныд тані му пырыс мунны: менё, да вермыны! Аддзи ме ассьым вокөс турунас – со и чеччышти сэтчө. А тэ мый думыштін? Медым лешакыс тэнё босьтас, пеж лов!

Гундырыд эскис чиганыдлы. Пырисны найё гундыр керкаас. А локтіганыс на гундырыд шуис, эска пө тэныд, мый тэ зэв ён, сөмын ме пө тэысь өдйөджыка котрала.

Чиганыд шуё:

– Öдйөджык, тэ меысь өдйөджык котралан?! Да өд менам ичөтджык вокөй тэысь, кулөм кодысь, өдйөджык котралө. Вай вермасыам!

Гундырыд сетчис дай пондіс вермасыны пөръясьыс чиганыдкөд. Виччысьтөг гундырыд коньясис суслик гуё да сэтшөма усис кынөм вылас, мый вөтөдны чигантё эз вермы эськө и Енлөн Мыждан лунөдз.

Онi нин гогорвоис гундырыд, мый порьявны чигантö сылөн оз артмы. Бара корис мамыслысь велөдөм. Мамыс и шуө:

– Төдан мый! Мунöй вөрө, вайöй пуяс. Кодi унджык ваяс, сийö и лоö ёнджыкөн.

Мунисны найö вөрө. Гундырыд сымында пу нетшкис, мый чиганыдлөн эськө оти здукö лолыс и петис тайö пуястö кыс-кигас. А чиганыд сёрсыс вайöма кузьысь-кузь гез да пондiс сийөн вёрсö гартны. Аддзис гундырыд дай юалö:

– Мый тэ вöчан, вежөртөм морт?

– Мый? А косья став вёрсö отпырйö көртавны, сэсся гортаныд нуны да порөдны керка выланыд, медым пеж мамтö вины. Абу жаль меным сийö!

Гундырыд кутис кевмысьны: эн жö пö вöч татшөмторсö! Бурсьөлөмтчы мамлы!

Но чиганыд оз сетчы: нуа пö вёрсö, мокой сыкөд, бырөда пö порысь понсö! Бөрьяпомыс чиганыд сетчис жö: оз ну сийö керка вылас став вёрсö. Но эз ну сийö весиг и чагтор. А гундырыд мыш вылас сымында пу вайис, мыйта эськө эз вермы нуны и сикт джын олысьыс.

Кор найö бөр воисны гортаныс, гундырыд норасис мамыслы, кызди чиганыд көсйис став вёрсö вайны да порөдны керка выланыс. Мамыс и шуө пиыслы:

– Пиö, ваялöй ва. Кодi вермас унджык ва ваявны, сийö и лоö медся ёнөн.

Гундырыд бара вөзйис чиганыдлы венласьны. А чиганыд бара мыйкө арталыштiс дай пондiс канава кодйыны Дунай ю дорсянь гундыр керкалань.

– Мый тэ вöчан? – юалис гундыр.

– А сө босьта да Дунайсьыс став васö бергöда керкалань-ныд, медым öдйөджык пеж мамыд коксö нюжодас. Медым пöдас, меным сийöс абу жаль!

Гундырыд весьӧпӧрис, повзис мамыс понда, мый лёк чиганыд збыль ыршасьӧмсӧ артмӧдас. Бара кутіс гундырыд мырдысьӧн корны чигантӧ, медым эз жӧ вӧч сэтшӧмторсӧ. Ӧд тӧда пӧ нин, мый чиган ёнджык сыысь, гундырысь.

– Ёнджык, шуан? Тайӧс ме важӧн нин тӧда! А тэ аттьӧав менӧ, мый ме бурсьӧлӧмтчи, а эг кӧ, ӧдйӧ воис эськӧ пом пеж мамылды!

Кор воисны найӧ гундыр керкаас, висьталіс гундырыд мамыслы, мый некыз оз вермы чиганӧс венны: сэтшӧм сійӧ вына!

Мӧд луннас адлзӧ гундырыд, мый чиганыд сепӧсӧн кыскалӧ керка дінаныс кукуруза. Гундырыд юалӧ, мый пӧ бара нин мӧвпыштін? А чиганыд буретш лӧсьӧдчӧ каллян куритны.

– Мый мӧвпышті? Со кӧсья керканытӧ сотны, он кӧ сет меным сепыс сьӧм да он кӧ ну менӧ гортӧ. Да вай ӧдйӧджык вӧр сьӧмнад, а то ӧд скӧрма да, некутшӧм сьӧм оз тырмы, медым ме татысь муна. Мед ставнылды му пырыс мунны!

Гундырыд тэрмасьӧмӧн тыртіс сепыс сьӧмӧн, чиганыд сепыс вылас пуктіс пасьсӧ, а сэсся и ачыс пуксис сы вылӧ.

Тадзи и вайӧдіс гундырыд чигантӧ гортас, сиктас.

Кор найӧ воисны чиган горт дорас, гундырыд лэдзис пельпом вывсьыс сьӧм тыра ыджыд сепыс. Буретш сійӧ здукас чиганлӧн керкаыс пӧрис.

– Мый тэ вӧчин? – шуӧ чиган гундырлы. – Мыйла тэ керкаӧс менсьым пӧрӧдін? Но ӧні тірзьы: сёя тэнӧ, пеж пон! Челядьӧ, локтӧй ӧдйӧджык! Тівкйӧдлӧй этайӧ бӧб гундырсӧ!

Котӧрӧн петісны челядь да батыныс индӧм сертиыс сэтшӧма шонтісны гундырыдлысь бокьяссӧ, мый гундырыд повзьӧм вывсьыс, гашкӧ, и ӧні на садьтӧг котӧртӧ.

7. Плутоватый цыган

Жил-был на свете один цыган. И было у него столько детей, сколько дыр в решете. Они даже в доме у него не помещались, и отцу жить стало невмоготу.

Подумал-подумал старый цыган и однажды пустился в путь, белый свет повидать. Да и прокормить он такую кучу детей не может, в голове только одна мысль сидит: авось что-нибудь и придумает.

Так и ушёл он, а детей своих дома оставил.

Идёт он по степи и видит: посреди степи овчарня стоит. Вошёл он в овчарню, а там пастух как раз овец доит. Говорит ему цыган:

– Слышь, пастух, дай мне немного молока.

Пастух же сказал, что не может дать ему молока, поскольку это молоко не его, а страшного дракона. Да только слово «дракон» цыгану неизвестно было. А была у него с собой булка хлеба, сунул он булку в подойник с молоком, да так, что в подойнике ни капли молока не осталось: всё булка впитала.

– Ну, погоди, цыган, вот получишь по заслугам, когда дракон примчится!

– Так я и испугался! Вот я сам задам ему!

– Так и задашь мне! – раздался громовой голос в двери.

Видят они: это дракон прилетел. Испугался цыган, даже булку уронил на землю.

– Да, да, задам я тебе! Кто ты есть, а? Ты просто дрянной дракон! А я – всеильный цыган! Иди-ка ты сюда! О, а ходишь ты, как бревно, да я из тебя молоко выжму!

Дракон попятился от таких грубых слов:

– Ну, ладно, дружище, оставайся с нами. Если ты уж такой сильный, у тебя всегда здесь будет хлеб да соль.

– Так и быть, останусь, чёрт бы тебя побрал, поганый! И пусть всё будет так, как я прикажу, – не унимался цыган, как будто королём был.

Когда они пришли к дому дракона, мать дракона подозвала сына и говорит ему:

– Отведи-ка ты цыгана в сад. Помнишь, там стоит черешневое дерево? Скажи цыгану, чтоб он залез на то дерево черешню собирать, а дерево-то уж и разделается с ним.

Пошли они в сад. Дракон подвёл цыгана к дереву, чтобы тот отведал черешни. Забрался цыган на дерево, но как только дотянулся он до ягод – свалился с дерева да так упал, что вывихнул ногу. А в тот момент под деревом пробежал заяц, цыган и упал прямо на зайца. Заяц закричал: «Чтоб ноги у тебя отсохли!»

Подлетает к цыгану дракон и говорит:

– Ну вот, победил я тебя!

– Ты? Победил? Меня? Ай-ай-ай! Да чтоб тебе здесь провалиться сквозь землю: меня да победить! Увидел я своего братишку в траве – вот и спрыгнул к нему. А ты что подумал? Чтоб тебе неладно было, поганый!

Дракон поверил тому, что сказал цыган.

Вошли они в дом. Но еще по дороге дракон сказал, что верит в огромную силу цыгана, но он, дракон, зато умеет быстрее бегать. Цыган говорит:

– Быстрее, это ты-то быстрее? Да ведь братишка мой быстрее тебя, дохлого, бегают. Ну, давай-ка попробуем!

Дракон согласился и начал соревноваться с плутом. Вдруг дракон споткнулся о сусличью нору и так сильно упал на брюхо, что не смог бы догнать цыгана и до дня Страшного суда.

Понял тут дракон, что не провести ему цыгана. Опять попросил дракон совета у матери. Она ему и говорит:

– Знаешь, что? Пойдите-ка вы в лес, принесите деревьев. Кто больше деревьев принесёт, тот и будет сильней.

Ушли они в лес. Повырывал дракон столько деревьев, что цыган сразу же испустил бы дух под этими деревьями. А цыган взял с собой длинную-предлинную верёвку и собрался было ею обвязать лес. Увидел это дракон и спрашивает:

– Что ты делаешь, глупый?

– Что? Хочу связать в охапку весь лес, потом отнести да свалить его на ваш дом, чтобы мать твою поганую извести! Не жаль мне её!

Тут дракон взмолился: не делай, мол, этого! Смилуйся над моей матерью!

Но цыган не уступает: отнесёт он лес, покончит с этой старой собакой!

Но в конце концов цыган всё же уступил: не понёс он к дому всего леса. Но не принёс он и ни одной дровинки, а дракон тем временем на хребте своём столько деревьев принёс, сколько б не принесла и половина деревни.

Когда они вернулись домой, дракон пожаловался матери, что цыган весь лес хотел принести да свалить его на дом. Мать ему и говорит:

– Сынок, наносите-ка вы воды. Кто больше воды сможет принести, тот и будет самым сильным!

Дракон опять предложил цыгану посостязаться.

А цыган опять пораскинул мозгами и начал канаву рыть от Дуная в ту сторону, где жил дракон.

– Что ты делаешь? – спросил дракон.

– А вот возьму да и все воды Дуная покачу к вашему дому, пусть подохнет твоя поганая мать! Пусть захлебнётся, мне её не жаль!

Дракон испугался за свою мать, испугался, что этот грозный цыган всё же выполнит свои угрозы. Стал он опять умолять цыгана, чтобы тот не делал этого. Ведь дракон уже знает, что цыган сильнее его.

– Сильнее, говоришь? Я-то это давно уж знаю! А ты спасибо скажи, что смилостивился я, а то пришёл бы скорый ко-

нец твоей поганой матери! Чтобы гром разразил её на мелкие кусочки!

Когда они пришли домой, сказал дракон матери, что никак не может он побороть цыгана: такой вот он силач!

На следующий день видит дракон, что цыган мешками носит к дому кукурузное лыко. Спрашивает дракон, что он опять надумал. А цыган как раз раскуривал трубку.

– Чего надумал? Да вот поджечь ваш дом решил, если не дашь мне мешок денег и не унесёшь меня домой. Давай, пошевеливайся с деньгами, а то осерчаю, и не найдётся таких денег, ради которых я ушёл бы отсюда. Чтоб вы все провалились!

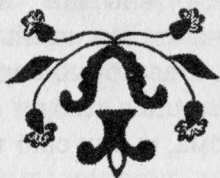
Дракон наспех наполнил мешок деньгами, цыган постелил на мешок свой тулуп, а потом сел на него.

Вот так дракон доставил цыгана домой, в его деревню.

Когда они прилетели во двор, дракон снял со своего плеча огромный мешок с деньгами. Как раз в тот момент дом цыгана развалился.

– Что ты наделал? – говорит ему цыган. – Почему ты развалил мой дом? Теперь же трепещи: съем тебя, собаку! Дети, сюда скорее. Угостите тумачами этого осла!

Тут выбежала ватага детей, и по наказу отца они так намяли бока дракону, что он с испугу, наверное, и сейчас ещё бежит без оглядки.

8. Озыр морт да антус

Оліс-выліс өти голь морт. Көть и вөлі сійө голь, а горт дорас сылөн пыр вөлі пуктөма нянь нөшта на сыысь гольджыкъяслы. Өтчюд локтіс антус да и сөйис гольяслы пуктөм няньсө. Кор сійө бөр муніс гортас, адас, Люцифер төдмаліс, мый антус сөйөма гольяслысь нянь, да сы вөсна Люциферид вөтліс сійөс адысь куим во кежлө.

Муніс антусыд голь морт ордө да медасис сы дінө кесйылөсөн. А сійө жө сиктас оліс өти озыр морт. Төдмаліс сійө, мый голь мортлөн кесйылөс эм. Корис голь мортөс ас дінас:

– А, со кызд, тэнад и кесйылөс нин эм? Сідзкө төд, аски асыв кежлө он кө керав эсійө ыджыд вөрсө, тэныд пом воас!

Шөгө усис голь мортыд дай муніс гортас. Аддзис сійөс антусыд дай юаліс, мый пө лои. Голь мортыд висьталіс кесйылөсыслы, мый тшөктіс сылы вөчны озыр мортыд.

– Сөмын тайө? Эн пов, майшасьтөг верман мунны узьны, ставсө лоө вөчөма! – шуис кесйылөсыс.

– Кызди? Өд аски асыв кежлө тайөс не вөчны!

– Тайө абу тэнад мог!

Голь морт муніс узьны, а водз асывнас. чеччис видзөдлыны, мый вөчө сылөн кесйылөсыс. Ёна и чуймис сійө, кор аддзис, мый став вөрыс кералөма нин, а керьяссө чипасө тэчөма. Озыр мортыд тшөтш өшиньөдыс видзөдө да аддзө, мый ставсө вөчөма, кызди сійө тшөктывліс. Бара корис ас дорас голь морттө:

– Эсійө ыджыд чойсө медым аски асыв кежлө вөлі вайөма өшини улам. Оз кө ло ме ногөн, таладор югыдас тэныд не овны!

Голь мортыд бара висьтасис кесйылөсыслы, эскө нин вөли сылы да, шуыштис, өдвакө пө позяс тайөс вөчны. А кесйылөсыс сылы вочавидзө:

– Эски меным: и тайө абу тэнад мог!

Мөд асылө голь мортыд видзөдө озыр морт керкаланьө – войся пемыд, нинөм оз тыдав! А озыр мортлөн керка йөрас джуджыд чой сулалө. Сийө и сайөдөма шондi югыдсө. Озырыдлөн короминаыс киссьөма: өд кесйылөсыд керка вылас пуктөма чойсө. Ёна и скөрмис озырыд – өдва вермис петны киссьөм стрөйба увсьыс.

– Да ог эски ме, мый тайө голь мортыс ставсө вермө вөчны! Ок, и сета жө ме сылы удж!

Бара на озырыд тшөктис локны ас дорас голь мортыдлы:

– Аски жө босьтан менө да нуан адө!

Голь мортыд и өнi ставсө висьталис кесйылөсыслы. Сийө и шуө голь мортыдлы:

– Аски танi кутасны сулавны кык съөд вөв. Тэ найөс дод- дяв. Ме өксайкөд пукся водзас, а тэ – бөрө, сөмын эн сёрнит. Отилаын ме чеччөда өксайсө додь вылысь, а тэ босьтан вөвьяссө да бөр мунан. Но бергөдчывлыны бөрьявыв сэтчөдз оз позь, кытчөдз оз паныдась тэныд ичөтик съөд пон. Сийө и вайөдас тэнө гортад.

Голь мортыд пондiс нин мөвпавны, абу-ө ачыс кесйылөсыс антус: өд и вичкоө сийө некор оз ветлөдлы, дай ставыс сылөн артмө.

Мөд лунө доддялис голь мортыд вөвьяссө. Пуксисны. Вөвьяссөн веськөддiс озырыд. Коркө кесйылөсыд и сувтөдiс вөвьяссө, чеччөдiс өксайөс додь вылысь, и мунисны найө водзө подөн. А голь мортыд вөвьяснад бөр мөдөдчис. Но бөрвыв оз видзөд.

Мунө кесйылөс озыр морткөд, мунө, а отилаын муыс виччысьтөг потис, пыдөстөм йир воссис да нуис озыр морттө антускөд адө. А голь мортыдлы сэккостi паныдасис ичөтик съөд пон. Онi позьө и бөрвыв видзөдлыны. И аддзис сийө сөмын джуджыд чой да кылис тэг дук.

8. Богач и чёрт

Жил-был на свете один бедный человек. Но, несмотря на то, что он был беден, около дома всегда оставлял хлеб для тех, кто был беднее его самого. Однажды пришёл чёрт и съел хлеб. Когда чёрт вернулся домой в ад, Люцифер узнал, что он съел хлеб бедных. За это он изгнал чёрта из ада на три года.

Пошёл чёрт к бедняку и поступил к нему в услужение. А в той деревне жил один богатый человек. Он узнал, что у бедняка есть слуга. Позвал он к себе бедняка:

– Ах, вот как, у тебя уже и слуга есть? Так знай же, если к завтрашнему утру ты не вырубешь вон тот большой лес, то жизни твоей конец!

Закручинился бедняк, пошёл домой. Увидел его чёрт и спрашивает, что приключилось. Бедняга рассказал чёрту, что велел сделать ему богач.

– Только и всего-то! Не бойся, иди спать спокойно, всё будет выполнено! – сказал слуга.

– Но как же? К завтрашнему утру этого не сделать!

– Это не твоя забота!

Бедняк пошёл спать, а утром встал рано – посмотреть, что делает его слуга. Как же удивился он, когда увидел, что весь лес вырублен, и деревья в штабеля сложены. Богач тоже выглянул в окно и увидел, что всё сделано так, как было им приказано. Велел он снова явиться бедняку.

– Вон ту большую гору к завтрашнему утру перенеси в мой двор! Если не будет по-моему, не жить тебе на белом свете!

Бедняк опять пожаловался слуге, так как уже доверял ему, но усомнился, вряд ли удастся на этот раз сделать работу. А слуга отвечает ему на это:

– Положись на меня: и это не твоя забота!

На следующее утро бедняк посмотрел на двор богача: темнота! Ничего не видно! А на дворе стоит огромная гора, она-то и загородила собой весь белый свет. Хоромы же богача были разрушены – ведь гора оказалась прямо на доме. Страшно рассердился богач – едва мог выбраться из-под развалин дома.

– Да не верю я, что этот бедняк всё может! Ох, и задам я ему работку!

Опять приказывает явиться бедному человеку:

– Завтра же ты унесёшь меня в ад!

Бедняк и на этот раз всё рассказал своему слуге. И говорит ему слуга:

– Завтра здесь будут стоять две чёрные лошади. Ты их запряги. Я с господином сяду впереди, а ты – на задки, но ни слова не говори! В одном месте я ссажу господина с повозки, а ты возьмёшь лошадей и отправишься в обратный путь. Но не оглядывайся назад до тех пор, пока не повстречается тебе маленькая чёрная собачка. Она тебя и приведёт домой.

Бедняк уже начал подумывать: уж не сам ли чёрт его слуга – ведь и в церковь-то он никогда не ходит, и всё-то у него получается.

На следующий день запряг бедняк лошадей. Сели. Правил лошадьми богач. Но вот слуга остановил лошадей, сошли они с богачом с повозки и пошли дальше пешком. А бедняк на лошадях отправился в обратный путь. Но не оглядывается.

Шёл слуга с богачом, шёл, а в одном месте земля вдруг разверзлась, открылась бездна и унесла богача с чёртом в ад. А бедняк тем временем повстречал маленькую чёрную собачку. Вот теперь уже можно и оглянуться. И увидел он только большую гору да почувствовал запах серы.

9. Вежа Петыр аддзис кольтусь пулысь тырмытѳмтор

Вежа Петыр Енкѳд ветлѳдліс му кузя. Ѳтчывд найѳ єна мудзисны. Вывті жар вѳлі да, найѳ водісны кольтусь пу улѳ. А кольтусь пукѳд орчѳн му вылас быдмисны ыджыд тыква-яс. Вежа Петырыд лѳптіс юрсѳ да аддзис, кутшѳм пуыс ыджыд да кутшѳм ичѳтик кольтусьяс быдмѳны сы вылын. Со и шуѳ сійѳ:

– О, Енмѳй, муывывса олѳм вѳчысь! Видзѳдлы, кутшѳм ми-ча да ыджыд тайѳ пуыс, а кутшѳм ичѳтик кольтусьяс тѳ сылы сетѳмыд! Бурджык эськѳ вѳлі, сетін кѳ эськѳ тыква кодьѳс!

Сійѳ здукѳ виччысьтѳг ныр вылас вежа Петырлы усис ѳти кольтусь. И шуис Петырыд:

– Но тѳ, Енмѳй, ставсѳ лѳчки вѳчѳмыд. Бур, мый ичѳтик кольтусь сетѳмыд тайѳ пуыслы. Эз кѳ эськѳ – усис ныр вылам ыджыд тыква да юрс менсьым пазѳдіс.

9. Святой Пѳтр нашѳл недостаток у орехового дерева

Святой Пѳтр странствовал с Господом Богом. Однажды они очень устали. Стояла сильная жара, и легли они отдохнуть под ореховым деревом. А рядом с деревом росли большие тыквы. Святой Пѳтр посмотрел на дерево, увидел, какое оно большое и какие маленькие орехи растут на нѳм. Вот он и говорит:

– О, Господь-сотворитель! Посмотри, какое прекрасное и огромное это дерево, и какие маленькие плоды ты ему предназначил! Лучше б ты тыкву дал ему!

Неожиданно на нос Петру упал орех. И сказал Пётр:

– Однако ж ты правильно всё сотворил, Господь мой. Правильно, что маленький плод уготовил ты этому дереву, иначе на нос мой упала бы огромная тыква и разбила б мне голову.

10. Вежа Петырлөн мамыс

Отчыл вежа Петыр пондіс элясьны Енлы, мый мамыс сылөн абу райын. Ен сылы и шуё:

– А ме тэнад мам йывсьыд нинём буртор эг аддзывлы некутшом небөгъясин, некутшом гижодъясин.

– Но од буртор сійё вочис! Сійё сетіс голь йозлы капуста мач!

Сэки Ен судзодіс оти капуста кор дай сетіс сійёс Петырлы:

– Со капуста кор! Сы вылын и катод мамтё райё.

Петыр босьтіс капуста корсё да шуис мамыслы, медым сійё ёна кутчыяс капуста корас.

А тайёс аддзылісны да кылісны мукөд ловъяс. Пондісны найё ставныс отпырйё пискөдчыны Петыр мам дорас да кватлавны паськөмөдыс. А пөчыл наысь мынтөдчө, полё: капуста корйыд ставсё оз вермы кутны.

Пөчылдлөн мый вынсьыс ловъястё йоткалігад капуста корйыд и косяссис.

Петырыд матыстчис Ен дінё дай висьтасис, мый лои. Ен-мыд и шуё:

– Эз кө вермы нин и капуста корйыс сійёс кутны, сідзкө, медым сэні и кольё.

Сідз со онөдз на вежа Петырлөн мамыс и абу енэжын.

10. Мать святого Петра

Однажды святой Пётр пожаловался Господу Богу, что его матери нет в царстве небесном. И говорит ему Бог:

– А я о твоей матери ничего хорошего не нахожу в анналах!

Пётр отвечает:

– Но она сделала добро! Она беднякам дала кочан капусты!

Тогда Господь Бог достал один капустный лист и отдал его Петру.

– Вот капустный лист! На нём и вознеси свою мать.

Пётр отдал капустный лист матери и сказал, чтобы она крепко ухватилась за него.

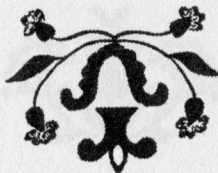
Это видели и слышали другие души. Начали они сразу проталкиваться к матери Петра и цепляться за одежду старухи. Она же отталкивала их от себя, боясь, что капустный лист их всех не выдержит. Старуха старалась избавиться от них изо всех сил, и капустный лист разорвался.

Пётр пошёл к Господу Богу и рассказал, что произошло.

Господь Бог и говорит:

– Если уж и капустный лист не выдержал твою мать, тогда пусть она там и остаётся!

Потому матери святого Петра и по сей день нет ещё на небесах.

11. Дыш зон да уджач ныв

Иисус да вежа Петыр дыр нин ветлөддiсны ыли муясти. Бу ретш вундан кад вöли. Зэв жар вöли да, горшныс вывтi косьмöма налөн. Корсьöны найö юкмöс, медым ва юны, да некытысь оз адззыны. Аддзöны: куйлö пу улын зон. Матыстчисны ветлысь-мунысьяс сы дорö да юалисны, кöни пö тани матын юкмöс эм, горшным пö косьмис. Зонмыд весиг эз и чеччы, сöмын кокнас петкöддiс, кöни юкмöс корсьны. Мöдiсны найö, кытчö зонмыд петкöддiс, а Петырыд и шуö:

– Но и дыш жö тайö зонмыс!

Мунöны найö юкмöслань дай налы паныдасис ныв, вундысь. Сийö тшöтш мунö вöли кувшинөн юкмöс дорö. Öтлаын мунöны. Нылыд тыртiс кувшинсö ваөн да, окотапырысь пö юктöда шуиг, медводз сетiс юны ветлысь-мунысьяслы, а сэс-ся нин и ачыс юис кöдзыд васö. Ветлысь-мунысьяс пöттöдзныс юисны ватö, аттьöалисны нывтö дай мунiсны водзö асланыс туйöд.

Иисус и шуö Петырлы:

– Тайö нылыс лöсялö эсийö дыш зонмыслы!

Петыр скöрмис да дöзмöм гөлöсөн шуис Иисуслы:

– Öксайöй менам, он-ö кöсйы тэ тайö нывсö нинöмö воштыны!

– Ог дерт, – шуö Иисус. – Но тадзи и тайö дыш зонмыс овны вермас. Йöзсö колö сорлавны: дышлы колö сетны уджачöс, медым и дышъясыс тшöтш вермисны овны.

11. Ленивый парень и трудолюбивая девушка

Иисус и святой Пётр уж долго странствовали по земле. Как раз было время жатвы. Погода стояла жаркая, и им захотелось пить. Искали они колодец, чтобы жажду утолить, но нигде не нашли. Видят: лежит под деревом парень. Подходят странники к нему и спрашивают, есть ли колодец поблизости, уж очень им пить хочется. Парень не потрудился даже и встать, а лишь ногой показал, где искать колодец. Пошли они в ту сторону, куда парень показал, а Пётр и говорит:

– Ну и лентяй этот парень!

Идут они к колодцу и встречаются девушку-жницу. Она тоже шла к колодцу с кувшином. Вот вместе и пошли они. Девушка набрала в кувшин воды и, сказав, что охотно напоит их, сначала дала попить странникам, а уж потом сама выпила холодной водицы. Оба странника утолили жажду свежей водой, поблагодарили девушку и пошли своей дорогой.

Говорит Иисус Петру:

– Эта девушка подойдёт тому ленивому парню!

Пётр рассердился и с досадой сказал Иисусу:

– Господь мой, уж не хочешь ли ты погубить эту девушку?

– Конечно, нет, – говорит Иисус. – Но только так этот ленивый парень прожить сможет. Нужно людей перемешивать: ленивому надо давать работающего, чтобы и лентяи могли жить!

12. Вежа Петырлөн кесйылӧсьяс

Сійӧ кад кежлӧ, кор вежа Петыр ветлӧдліс му кузя Иисускӧд, Петыр медаліс ӧти кесйылӧсӧс, кесйылӧсыс сідз-тадз – шӧркоддьӧм. Шуис Петырыд кесйылӧсыслы, медым сійӧ быд лун рок пуис. А пӧртас тшӧктіс пуктыны сӧмын ӧти шыдӧс чир, но медым рокыс тырмис и понлы, и каньлы. Сэс-ся Петырыд Иисускӧд мунісны.

А кесйылӧс мӧвпалӧ: кыз пӧ ӧти тусьысь артмас рок и понлы, и каньлы? Дай пуктіс пӧртас шыдӧссӧ дзонь кабыр. Пондіс рокыд туктыны, да сымында рокыд лои, мый кесйылӧсыдлы ковмис тачкаӧн ӧшинь улас петкӧдлыны да пӧймӧ шыблавны. Бӧрыннас каньтӧ да понтӧ вердіс жӧ.

Кор Иисус да Петыр бӧр гортаныс воисны, Петырыд и юасьӧ:

– Кысукой менам, мыйӧн тӧянӧс вердісны?

– Пӧима рокӧн!

Вӧтліс вежа Петыр кесйылӧссӧ, медаліс мӧдӧс. Но и тайӧ кесйылӧсыс сідз жӧ вӧчис. Кодыр Петырыд медаліс коймӧдӧс, кесйылӧсыс казяліс нин, мый ӧшинь улыс рокӧн тырӧма, весиг туй пӧлӧныс рок. А коймӧд кесйылӧснас ныв вӧлі. И сылы месайыс тшӧктіс, медым рок пуигас пуктіс сӧмын ӧти шыдӧс чир. Нылыд сідзи и вӧчис. Пондіс рокыд пусьыны, весь туктӧ. Нылыд рокас вый пуктіс дай сетіс чӧскыд роксӧ каньлы да понлы.

Кор вежа Петыр бӧр воис гортас, юаліс:

– Мый тэ сӧйин, кысукой?

– Чӧ-ӧ-ӧ-скыд госа рок! – вочавидзис сійӧ.

Вежа Петырыд и кольӧдіс нывтӧ уджавны ас ордас, кывзысьысьӧн вӧлі сійӧ да.

12. Слуги святого Петра

Перед тем как отправиться странствовать по земле с Иисусом, святой Пётр нанял на работу одного слугу, слуга – так себе. Сказал Пётр слуге, чтобы тот каждый день кашу варил. А в котёл чтобы бросал всего-навсего одну крупинку, но чтобы еды хватило и собаке, и кошке. Потом Пётр ушёл с Иисусом странствовать по свету.

А слуга призадумался: как же из одной крупинки получится каша и собаке, и кошке? Бросил он в котёл целую горсть крупы. И начала каша разбухать, да столько её стало, что слуге пришлось её на тачке вывозить во двор и в золу вываливать. Но кошку-то с собакой он все-таки накормил.

Когда Иисус и Пётр вернулись домой, Пётр спрашивает:

– Кошечка моя, чем вас кормили?

– Кашей с золой!

Выгнал Пётр слугу, нанял другого. Но и этот поступил точно так же. Когда Пётр взял на работу третьего слугу, тот уже видел, что двор полон каши, даже на обочине дороги она. А третьим слугой девушка была, и ей хозяин приказал, чтобы она в котёл бросала лишь одну крупинку. Так она и сделала. Начала каша закипать, вся разбухла. Девушка кашу маслом заправила и дала её, вкусную, и кошке, и собаке. Когда святой Пётр вернулся домой, спрашивает:

– Ну, что ты, кисонька, ела?

– Кашу с ма-а-аслом! – ответила она.

Так и оставил Пётр служить эту девушку у себя, поскольку она послушной оказалась.

13. Иисус да вежа Петыр му кузя ветлөдлөны

Иисус да вежа Петыр ветлөдлөны му кузя өтлаын. Өтчыл паньдасисны найө гөрыськөд. Сылөн вöлыс вöли сэтшөм өдий мунө, мый гөрысьыд весиг оз и удит сы бөрся. Иисусыд матыстчис вөв дорас да өти коксө дойдыштис. Но гөрысьыд и өни оз су вөв бөрся. Иисусыд дойдис вöлыслысь и мөд коксө, но гөрысьыд бара на оз су вөв бөрсяыс – сэтшөм өдий ветлөдлө вöлыс. Дойдис Иисусыд вөвлысь и коймөд коксө, а сылы – веськодь!

Бöрыннас нин и нельөдсө Иисусыд дойдис. Сөмын сэки гөрысьыд вермис лочки мунны вөв бөрсяыс.

Гөрысьыд горөдис вöлыслы: – Эй!

Вöлыс сувтис, а сэсся нин пондис мунны ньөжйөник.

– Аддзан, Петыр, – шуө Иисус, – мортыс өни нин суө вөв бөрсяыс, а өд водздзык оз вöли су. Эг кө эськө дойд вöлыслысь кокъяссө, сийө вермис эськө уна лектор вöчны месайыслы.

Видзөдлісны найө мөдар бокө. А сэни өти морт гөрис жө, сөмын нель өшкөн. Гөрысьыс сэтшөм өна найөс тэрмөдліс, мый өшгьясыс весиг кивьяснысө өшөдөмаөсь.

– Нолы виччысьлы, Петыр, час өти гөрысь кутас шойччыны!

Дзик виччысьтөг гөр, мусө бергөдиг, лэптіс биа из, калля да табак. Гөрысь ставсө чукөргіс, дерт, өшгьясыс сэккості шойччөны. Сэсся гөрысьыд пондис куритчыны, а өшгьяс бара на шойччөны.

– Аддзан, Петыр, и коньөр гөрысьылы шойччөг колана. Сэсся и мукөдьясыс шойччыштасны.

Мунөны Иисус да Петыр водзө. Друг Петырлы юрас мөвп воис: окота лои сылы көть өти лун Енмөн лоны. Ок, и петкөдлас нин сийө, кызди колө юравны му вылас! Иисусыд и шуис сылы та вылө:

– Но инө, ло!

А стѣч сійѡ кадѡ налы воча локтѡ порсыясѡс видзысь. Пырис сійѡ корчмаѡ, а порсыясѡ ѡшинь улас колис. Сылысь юалѡны, мый пѡ лоѡ порсыясыскѡд, кодї кутас лунтыр найѡс видзны? А порсь видзысьыд сѡмын бротнитїс ныр улас, а Ен пѡ.

– Но, Петыр, кывлїн, мый порсь видзысь шуис? Мун, видз порсыясѡ.

Но мый вѡчан! Ковмис Петырлы порсь видзысьѡн лоны. Ковмис сылы котравны порсыяс бѡрся, ноксыны накѡд – дзонь лун! Ок, кутшѡма радлїс ина порсь видзысьыд, кор корчмаысь петїгас аддзис асьыс порсыясѡ. Сэсья и нуѡдїс найѡс гортас. А Петыр ѡдва кок йылас сулалѡ мудзѡмысла. Иисус и шуѡ сылы:

– Петыр, тѡ ѡд дзонь лун эн Енмѡн вѡв, а порсь видзысьѡн!

13. Иисус и святой Пѣтр странствуют

Иисус и святой Пѣтр странствовали вместе. Однажды встретили они одного пахаря. Его лошадь шла за плугом так быстро, что человек не поспевал за ней. Иисус подошел к лошади и поранил ей одну ногу. Но человек снова не поспевал за лошастью. Иисус поранил лошади и вторую ногу, но человек все равно не поспевал за ней – так быстро она шла. Поранил Иисус и третью ногу лошади, а ей – хоть бы что! Наконец, поранил Иисус ей и четвертую ногу. Вот тогда-то пахарь и смог поспевать за лошастью.

– Эй! – крикнул он ей.

Лошадь встала, а уж потом на повороте пошла медленнее.

– Видишь, Пѣтр, – говорит Иисус, – вот уже и может человек поспевать за лошастью, а ведь раньше не мог за ней угнаться. Если б я не повредил лошади ноги, то она могла бы нанести хозяину большой урон.

Посмотрели они в другую сторону. А там человек тоже пахал землю, только на четырёх волах. Человек так их торопил, что они языки повывисывали.

– Погоди-ка, Пётр, сейчас один вол будет отдыхать!

Вдруг из-под плуга на земле показались кремень, трубка и табак. Пахарь всё это подобрал, в это время не до волов ему было. Затем человек закурил, а волы тем временем отдыхали.

– Видишь, Пётр, и бедному волу нужен отдых. Потом и другие отдохнут.

Идут они дальше. Но вот Петру пришла в голову мысль: захотелось ему хоть один день побыть Богом. Вот уж покажет он, как нужно миром править! И сказал ему на это Иисус:

– Ладно, будь!

Шёл как раз им навстречу свинопас. Зашёл он в корчму, а свиней оставил во дворе. Спросили у него, что станет с его свиньями, кто будет их пасти целый день? А свинопас только и буркнул:

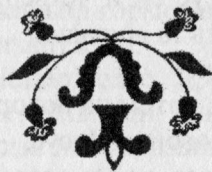
– Да Бог!

– Ну, Пётр, слышишь, что сказал свинопас? Иди-ка ты пасти свиней!

Что тут поделаешь! Пришлось Петру свинопасом стать. И пришлось ему бегать за свиньями, возиться с ними, и так – весь день!

Ох, как же обрадовался свинопас, когда, выйдя из корчмы, он увидел своих свиней! Погнал он их домой. А Пётр свалился с ног от усталости. И говорит ему Иисус:

– Пётр, ты целый день не Богом, а свинопасом был!

14. Вежа Петыр осёлс вузалё

Кыдзи быд мортлы, сідзи өтчылд и Иисуслы ковмис неуна съём. Мый нё вёчны? Вузавны сылы нинём, осёлысь кындзи, код вылын му пасьталаыс ветлөдліс. Но нинём он вёч: ыстис сійё вежа Петырөс ярманга вылө, медым сійё вузалис Иисуслысь осёлсө. Воис Петырыд вузасянінө. Регыд мысти матыстчис сы дорө и медводдза ньобасысь:

– Мыйөн вузалан? – юалө ньобасысь, кодлы осёлыс кажитчөма. Петырыд вочавидзис, сымында пö да сымында.

– Абу эськө дона, да осёлыд ичөт.

– Ичөт да и пöрысь, – шуө Петыр.

– Дай кутшөм омөль!

– Омөль, висьö да, – шуө Петыр.

Повзис ньобасысьыд осёлтö тадзикөн «ошкөмсьыд» дай өдйөджык муніс.

А ме вунөді висьтавны, мый тайö став сёрнисö Иисусыд пель пöвнас кывзис. Матыстчис сійё Петыр дінö:

– Ок, Петыр, тадзи тэ некор он вузав тайö осёлсө! Тэ ошкы сійёс, өд сідзи и коляс сійё сыылі выланым. Мый сэсся кутам вёчнысö?

– Да өд ошкыны кө понда, сідзкө, тайö пöрьясьөм лөб! – вочавидзö Петыр.

– Но ладнө, ладнө: вузасьөм, сійё и эм вузасьөм, – шуө Иисус Петырлы.

Та бöрын Иисус колис Петырөс өтнасөн, но стрöга тшөктис осёлсө вузавны. Быть вузавны!

Но эз артмы. Регыд Петыр осёлыскөд тшөтш бөр воис гортас, сідз эз и вермы вузавныс. А кыдзи сэсся Иисус мездысис съөкыдлунсьыс, висьтавны ог вермы, сы вöсна мый эз тöд тайöс и сійё, кодеянь тайö вöвлөмторсö ме кывлі.

14. Святой Пётр продаёт осла

Как и всякому человеку, однажды и Иисусу понадобилось немного денег. Что же делать? Продать нечего, разве что осла, на котором он странствовал по белому свету. Ничего не поделаешь: отправил он святого Петра на ярмарку, чтобы тот продал осла. Пришёл Пётр на ярмарку. Вскоре подошёл и первый покупатель:

– Почём осёл? – спрашивает покупатель, которому понравился осёл. Пётр отвечает, мол столько-то да столько-то.

– Вообще-то недорого, да маловат осёл.

– Маловат, да и старый, – молвит Пётр.

– Да и тощий какой!

– Тощий, потому что больной, – говорит Пётр.

Испугался тут покупатель от такого «расхваливания» товара и быстрехонько ушёл.

А я забыл сказать, что весь этот разговор вполуха слышал Иисус. Подошёл он к Петру:

– Ох, Пётр, ведь так ты никогда не продашь этого осла! Хвали ты его, а не то так и останется он у нас на шее. Что потом делать-то будем?

– Да если хвалить его буду, значит, лгать буду! – отвечает Пётр.

– Ну, ладно, ладно тебе: торговля, она и есть торговля, – говорит на это Иисус. На этом он и оставил Петра, но строго наказал ему продать осла. Непременно продать!

Однако ж нет, не вышло. Вскоре Пётр вместе с ослом вернулся домой, так и не смог продать его. А как потом Иисус выкрутился, сказать не могу, потому что не знал и тот человек, от которого я слышал эту историю.

15. Мыйла вежа Петыр куш юра?

Иисус да вежа Петыр ветлөдлісны му кузя. Өтчыл найö ёна тшыгъялісны. Иисус ыстіс Петырöс кутшөмкө сёянтор корсьны. Петыр ветлөдліс сиктса керкаясті, да öти керкаын буретш сійö каднас вöлі пöжасьöны, сетісны сылы öти ыджыд сөчөн. Сöмын петіс Петырыд керкасьыс, пырысь-пыр пондіс сёйны. Кор неуна пöтыштіс, мый коли сөчөнсьыс, суйис шляпа улас. Мөвпыштіс, мый Иисуслы оз висьтав нянь сетөм йывсьыс, а кор бара тшыгъялас, сёяс, мый колис.

Со воис Петыр Иисус дінö, Иисусыд и юалö:

– Но, сетісны мыйкö?

– Эз, – вочавидзис Петыр.

– А тэ пöрчыв шляпатö, – тшöктіс Иисус.

Петыр пöрчис шляпасö. Но мый нö тайö? Сөчöныс вөлөмкө лемасьöма юрсиас, и кор Петыр пондіс сійöс кульны юрсьыс, – став юрсисö нетшыштіс.

Та вöсна со вежа Петырыд и куш юра.

15. Почему святой Пётр лысый?

Иисус да святой Пётр вместе странствовали по земле. Однажды они сильно проголодались. Иисус отправил Петра достать что-нибудь поесть. Пётр ходил в деревне по домам, и в одном доме, где как раз пекли хлеб, дали ему одну большую лепёшку. Как только он вышел из этого дома, сразу же начал есть. Утолив немного голод, остатки лепёшки сунул себе под шляпу. Подумал он, что не расскажет Иисусу об этой лепёшке, а когда снова проголодается, сам и съест остатки.

Вот пришёл Пётр к Иисусу, тот и спрашивает:

– Ну, дали что-нибудь?

– Нет, – говорит Пётр.

– Аними-ка ты шляпу, – велел Иисус.

Пётр снял шляпу. Но что же это? А оказывается, лепёшка прилипла к волосам и, когда Пётр стал её сдирать, – выдернул все волосы.

Вот поэтому-то и лысый святой Пётр!

16. Мыйла тшупсьысьяс вежа Петырӧс пинялӧны

Иисус да вежа Петыр бара ветлӧдлӧны му кузя. Ӧтчыл мунӧны вӧлі найӧ корчма дорті дай кылӧны, мый сәні тшупсьысьяс гажӧдчӧны. Петырлы зэв окота лои видзӧдлыны, кызди найӧ сәні гажӧдчӧны. А Иисусыд сылы сӧмын шуис:

– Петыр, эн мун сэтчӧ, сәні тәнӧ нӧйтасны.

Но Петыр эз кывзись дай пырис корчмаӧ. Иисусыд гӧгӧрвоис, мый Петырӧс он ӧлӧд дай ӧвсис сыысь: медым мунӧ, кытчӧ кӧсйӧ!

Ӧтитор сӧмын Иисусыд вӧчис – ӧшӧдіс Петырлы мышкас контрабас, а ачыс водзӧ муніс аслас туйӧд.

А тшупсьысьяс гажӧдчӧны, мый вынсьыныс гажӧдчӧны! Аддзисны найӧ контрабастӧ – сәки ставыс и пансис! Чиган пыдди найӧ Петыртӧ пуктісны да, пырысь-пыр и тшӧктісны сылы ворсны. А Петырыд пыксӧ, абу пӧ ме чиган, ворсны контрабас вылын ог куж. Но тшупсьысьяс кивыль эз вартны. А Петыр пыр пыксӧ. Сёысь нин пиняліс асьсӧ, мый пырис тшупсьысьяс дінӧ. Кӧсйис кызкӧ бурӧн мынтӧдчыны наысь, да некыз оз вермы. Бӧръявыв тшупсьысьяс дӧзмисны да сёрнитчисны Петыртӧ нӧйтны, да сӧлӧмсянь!

Петырыд, кор аддзис, мый унакодъ тшупсьысьыд чукӧрмис, – ӧдйӧ усйысис, котӧртіс Иисус бӧрся.

А Иисусыд матыстчӧ нин вӧлі мӧд сикт дорӧ. Петырыд ӧдва и суӧдіс Иисустӧ, норасьны кутіс, мый сыкод лои.

Иисусыд та вылӧ сӧмын шуис:

– Ме ӧд тәнйыд, Петыр, шулі: эн мун сэтчӧ!

Но Петыр оз вермы инасьны, пыр мӧвпалӧ: кызди эськӧ тшупсьысьяслысь водзӧс перйыны. Юалис сійӧ Иисуслысь,

мый вылѝ пѝ тшупсьысьяс скѝралѝны уджаліганыс. Иисусыд вочавидзис: скѝралѝны пѝ найѝ сэки, кор веськалѝ налы ув туя кер.

А Петырлы сѝмын тайѝ и колѝ: слабог, тѝдмаліс, мый сылы колѝ. И кутіс сійѝ дзайгѝмѝн корны Иисустѝ, медым сійѝ став пуѝ увьяс сутшкаліс. Да медым увьясыс вѝліны кѝртысь, медым эськѝ тшупсьысьяс эз вермыны увьяссѝ перьявны пуясысь. А кѝсьясны кѝ кѝрт увьяссѝ перьявны, медым эськѝ став черыс налѝн жугалас. Но тайѝ вѝлі зѝв нин вывтї да Иисусыд та вылѝ эз мун. Но медым и тшупсьысьясѝс велѝдны, и медым Петырлѝн сѝлѝмыс бурмис, – быд пуѝ Иисус сутшкаліс увьяс, сѝмын – пуысь жѝ. А ѝд увьясыд абу ѝткодьѝсь, эмѝсь и вывтї чорыдѝсь. И со сэки, кор тшупсьысьяслы веськалѝ сѝтшѝм чорыд ув, найѝ пыр Петырѝс пинялѝны, ѝд тѝдѝны, кодѝс колѝ ошкыны таысь.

16. Почему плотники ругают святого Петра?

Иисус и святой Пѝтр опять странствовали по земле. Однажды они проходили мимо одной корчмы и услышали, что там плотники веселятся. Петру захотелось посмотреть, как они там в корчме веселятся. А Иисус лишь сказал ему:

– Пѝтр, не ходи туда, тебя там побьют.

Но Пѝтр не послушался и пошѝл в корчму. Увидев, что Петра не отговорить по-хорошему, Иисус оставил его: пусть идѝт, куда хочет! Единственное, что Иисус сделал, это водрузил на спину Петра контрабас, а сам пошѝл своей дорогой.

Так вот, вошѝл Пѝтр в корчму, а на спине у него контрабас. Гуляют плотники, веселятся вовсю. Увидели они контрабас – вот тут всё и началось! Приняли они Петра за цыгана и сразу же велели ему играть. А Пѝтр всё время отнекивался, что он вовсе не цыган и играть на контрабасе не умеет, но плотники

и ухом не повели. А Пётр всё отказывался. Хотел он было подбру-поздорову улизнуть, он уже двадцать раз пожалел, что связался с плотниками, но никак не мог от них отделаться. В конце концов и плотникам надоела эта возня, вот и решили они Петра поколотить, да основательно!

Пётр, когда увидел, что плотников собралось больше чем достаточно, пустился наутёк, побежал за Иисусом.

А Иисус Христос тем временем приближался уже к другой деревне. С большим трудом догнал он Иисуса, горько ему пожаловался, что приключилось с ним. Иисус ответил на это лишь так:

– Я же сказал тебе, Пётр, не ходи туда!

Но Пётр никак не может успокоиться: всё думает, как бы отомстить плотникам. Спросил он у Иисуса, на что больше всего сердятся плотники. Иисус ответил, что сердятся они на то, что в деревьях сучья есть.

А Петру только это и надо: слава Богу, узнал, что требуется. И стал приставать к Иисусу, не давал ему покоя, чтобы Иисус во все деревья вставил сучья. И чтобы эти сучья железные были, чтобы плотники не могли их вырезать из дерева. А если они уж очень захотят эти сучья выковырять из дерева, то пусть сломаются все их топоры! Но уж на это-то Иисус не согласился. Однако чтобы и плотники получили по заслугам, и чтобы Пётр остался доволен, в каждое дерево Иисус вставил сучья, но – из дерева. Однако и сук суку рознь, сук бывает и очень крепкий. Так вот, когда плотникам попадает крепкий сук, они постоянно ругают Петра, знают же, что это – его рук дело.

17. Вежа Петыр да дзодзӱглӱн пражитӱм кок

Иисус да вежа Петыр, му кузя ветліганыс, воисны ӱтчид кутшӱмкӱ сиктӱ. Пырисны найӱ ӱти керкаӱ, кӱнӱ сетисны налы милӱсӱта – пражитӱм дзодзӱг. И мӱдисны найӱ водзӱ. Иисус мунӱ водзын, а вежа Петыр бӱрсяныыс.

А Петырид, ӱна тшыгӱялӱма да, гусьӱникӱн и сӱйис дзодзӱглысь ӱти коксӱ.

Кор ветлысь-мунысьяс петисны сиктысь, пырысь-пыр и пукисны шор дорӱ нурьясьыштны. Видзӱдӱны, а дзодзӱгылӱн кольӱма сомын ӱти кокыс!

– Эй, Петыр! Кытчӱ вошис дзодзӱглӱн кокыс? – юалис Иисус.

– Мезӱсӱй, да ӱд сылӱн сӱмын ӱти кок и вӱлі! – кутис дорйисыны Петыр. – Видзӱдлы, Мезӱсӱй, со эстӱн, йи вылын, дзодзӱг кельӱб сулалӱ, и быдӱнлӱн сӱмын ӱти кок.

– Да, да, гашкӱ и сӱдз, – вочавидзӱ Иисус. – Сӱмын ветлам да видзӱдлам, збыль-ӱ налӱн сӱмын ӱти кок.

Та бӱрын чечисны найӱ пукаланӱнсыныс да веськӱдчисны дзодзӱгӱяслань. Кор дзодзӱгӱясӱдз вӱлі нин некымын сыв, Иисус полошитис найӱс, и став дзодзӱгылӱ, ставныс, пуктисны мӱд кокнысӱ да, гораа икйӱдлӱмӱн, лӱбзялісны кодӱ кытчӱ. Сӱки Иисус и шуис Петыридлы:

– Аддзан, Петыр, и ӱнӱ тӱ менӱ пӱрӱялӱн, ӱд дзодзӱгӱяслӱн, ставыслӱн, кык кок. Сӱдзкӱ, кык кок вӱлі и тайӱ пражитӱм дзодзӱглӱн, кодӱс сетисны миянлы, кыдзи Енлӱн ӱтсӱг. А тӱ, Петыр, сӱйин сӱйӱс, кор ме бӱрся мунӱн.

– Ок, дона велӱдысьӱй! – пондӱс тӱравны Петыр. – Ме чайтӱ, тӱнӱ тшӱтш позьӱ пӱрӱявны, кыдзи и мукӱд йӱзӱс. А ӱнӱ аддза ме, мый тӱ – Ен да аддзан он сӱмын сӱйӱс, мый тӱ водзын, но и сӱйӱс, мый бӱрсяныыд. Тӱ вӱлі мунан водзын, весиг ӱн й бергӱдчывлы бӱрвыв, а тӱдӱн, мый ме, бӱрсяныыд мунӱг, сӱйи дзодзӱглысь коксӱ.

17. Святой Пётр и нога жареного гуся

Иисус Христос да святой Пётр, странствуя по земле, забрели однажды в какую-то деревню. Вошли они в дом, где как милостыню дали им жареного гуся. И пошли они дальше. Иисус шёл впереди, а святой Пётр за ним.

Пётр же, сильно проголодавшись, незаметно съел одну ногу гуся.

Как только странники вышли из деревни, они сразу же расположились на берегу ручья, чтобы немного перекусить. Глянь, а у гуся-то осталась только одна нога!

– Эй, Пётр! Куда девалась нога у этого гуся? – спросил Иисус.

– Господь мой, да ведь у него только одна нога и была! – оправдывается Пётр. – Посмотри-ка, Господин мой, вон там на льду стоит стая гусей, и у них только по одной ноге.

– Да, да, может быть, – говорит Иисус. – Но всё же пойдём посмотрим, правда ли, что у них только по одной ноге.

На этом оба они поднялись со своего места и направились к гусям. Когда они были уже в нескольких саженьях от гусей, Иисус всполошил их, и все гуси, все до одного, поставили вторую ногу и, громко гикая, разлетелись в разные стороны. Тогда Иисус обратился к Петру:

– Видишь, Пётр, и сейчас ты мне сказал неправду, ведь у гусей-то, у всех до единого, по две ноги. Значит, две ноги было и у того гуся, которого нам дали как божью помощь. А ты, Пётр, её съел, когда брёл за мной.

– Ох, дорогой учитель! – задрожал Пётр. – Я думал, что, как и других людей, и тебя можно обмануть. А сейчас вижу я, что ты – Бог и видишь не только то, что впереди тебя, но и то, что позади себя! Ты шёл впереди, даже не оглядывался, и всё же знаешь, что я, идя позади тебя, съел ногу гуся!..

18. Черешня

Өтчүд Иисус да вежа Петыр ветлөдлісны му кузя: Петыр мунө водзын, а Иисус сы бөрся. Петыр аддзис эськө туй вылын куйлысь вөв подков, но сійө вөлі зэв важ нин, дзыкөдз шылясьома,— Петырыд сійөс эз и лэпты. Колис туй вылын куйлыны. А Иисусыд, кор матыстчис вөв подков дорө, эз дышөдчы, копыртчис дай лэптис сійөс.

Регыд воисны найө өти сиктө. Сэні Иисусыд вузаліс өти грөшысь подковтө өти еврейлы, коді важ көлуйөн вузасьө.

Сэсся ветлысь-мунысьяс водзө мунісны. Шонді вылө нин кайис, кор мөд сиктөдз налы коли туй джын на. Петыр то шонді вылө видзөдлас, то кывзө, оз-ө жыннян шы кывсьы — зэв жө ёна сійө тшыгъялөма. Друг тыдовтчис башня. Петыр ёна радлыны пондіс. Ладмөдіс кыкнан кисө син дорас, медым бурджыка аддзыны, да пондіс видзөдны, сөмын видзөдө оз вичко вылө, а пач трубаяс вылө: кутшөмысь тшын петө. Сөмын ни өти трубаысь тшын эз нин пет, сы вөсна мый сиктас пажын бөрас став тасьті-паньсө мыськалөмаөсь нин дай пөймсө весалөмаөсь. Коньөр Петырыдлөн эз нин вөв лача весиг пажын коляс вылө.

Кодыр найө воисны сиктө, Петырыд сэтшөма жугыльмис, весиг паныдасьысьяс вылө оз видзөд. Сөмын вичко водзын, кор пернапас чөвтис, бокө видзөдліс. Видзөдө, а пу улын сулалө черешня тыр телега. А Петырлы тайө и колө. Юалис Петыр Иисуслысь, эз-ө вошты сійө грөштө. Велөдысь юрнас довкнитис да матыстчис телега дорө. Ёна и радліс Петыр, кор өти грөш вылө налы сетісны чышъян тыр ягөд: нинөм оз аддзы, нинөм оз кыв радысла, сөмын водзө мунө.

Өні найө мунісны тадзи: водзын Мезөс, сы бөрся кыссис сылөн тшыг велөдчысьыс, коді пыр виччысис, кор найө

сувтасны шойччыштны да черешня сёйыштны. Виччысис сійё, виччысис да друг: хоп! Ёкмыльсьыс усис ёти тусь. Петыр копыртчис, лэптис да бусёсьсё и сёйис. А Иисусыд пыр сувтлытёг мунё да мунё водзё, а розьёсь ёкмыльсьыс ёти-ётиён усялёны тусьяс да усялёны, ставыс улисёсь, мичаёсь. Кодыр усис медбёрьяыс, Петырыд пётёма нин вёлі. Сэки Велёдысь бергёдчис да тадзи кутис вёйпёдны ассьыс велёдчысьсё:

– Ок, Петыр, Петыр! Мёдысь лэпты кётъ медся туйтём важ подков! Тэ кё эськё сэки эн дышёдчы, ёні эськё тэныд эз ковмы 77-ысь копыртчывлыны 77 черешня тусьла!

18. Черешня

Однажды Иисус да святой Пётр странствовали по земле: Пётр шёл впереди, а за ним Иисус. И вот на дороге Пётр увидел подкову, но, поскольку она была старая, стёртая, не стал её поднимать – оставил валяться на земле. А Иисус, когда подошёл к подкове, не поленился, наклонился и подобрал её.

Вскоре они пришли в одну деревню. Здесь Иисус продал подкову еврею-старьевщику и получил за неё один грош.

Странники продолжали свой путь. Солнце уже поднялось высоко, когда они были на полпути к другой деревне. Пётр то на солнце смотрит, то прислушивается, не слышать ли колокольного звона – уж порядком он проголодался. Вдруг показалась башня. Очень обрадовался этому Пётр. Приставил он обе ладони к глазам зонтиком да начал высматривать, но не церковь, а трубы: не дымится ли какая. Да нет, не дымила уже ни одна труба, так как в деревне люди после обеда уже всю посуду перемыли да убрали всю золу. Бедный Пётр перестал надеяться даже на остатки еды.

Когда они пришли в деревню, Пётр до того расстроился, что даже на прохожих не смотрел. Только перед церковью, когда перекрестился, посмотрел он в сторону. Глянь, а там в тени стоит повозка с черешней! А ему это и надо! Спросил Пётр Иисуса, не потерялся ли тот грош. Учитель кивнул головой и подошёл к повозке. Ох, как обрадовался Пётр, когда за один грош им дали довольно большой узелок с ягодами: ничего не видит, ничего не слышит от радости, лишь дальше продолжает путь.

Теперь они шли так: впереди Спаситель шёл, а за ним плёлся его голодный ученик, и всё ждал, когда же, наконец, они присядут отдохнуть и покушают черешню. Ждал он, ждал и вдруг: хоп! Из узелка выпала одна ягодка. Пётр нагнулся и её, пыльную, быстро съел. Хоп! Выпала ещё одна ягодка. Пётр опять нагнулся и её съел. А Иисус только шёл-шёл вперёд, а из дырки в узелке выпадали сочные, красивые ягодки. Когда выпала последняя ягодка черешни, Пётр уж наелся. Тогда Учитель повернулся к нему и так начал поучать своего ученика:

— Ах, Пётр, Пётр! В следующий раз подними ты хоть какую ни на есть старую подкову! Если б ты тогда не поленился, то сейчас не надо было б тебе нагибаться 77 раз за 77 ягодками черешни!

19. Кытчө вошис балялөн мускыс?

Отчыд Иисус ветлөдліс му кузя отнас. Коркө отчыл шыөдчис сы дінө оти шландайтысь зон:

– Дядьо! Босьт менө кесйылөсөн, нэм чөж тэ вылө понда уджавны.

– Ладнө, медым тэ ногөн лоас, – шуис сылы Иисус, да водзө найө мөдөдчисны нин отлаын.

Мунөны найө луд вывті, Иисус и шуө кесйылөсыслы:

– Зонмө, со эстөн ыжъяс йирсьоны, а меным сейны нин окота. Ыж видзысьыс кө узьө, тэ сійөс эн садьмөд, медым чөскыда узьө. Сьөмным од мян абу. Ветлы сэтчө да кут оти мичаник баляөс: ми сійөс начкам да пражитам.

– Ой, ме, дядьө, ог мун! Ме некор на нинөм эг гусявлы, торья нин ыжъясөс.

– Ладнө, кесйылөсөй, ачым ветла да вая сійөс, а тэ ветлы сиктө да кор йөзыслысь нянь да сов.

– Ме, дядьө?! Ог, ме ог мун! И менам батьөй эз вөв ни гусясьысьөн, ни корысьөн! И ме ог ло!

Но мый вөчны? Иисусыд ачыс муніс: кутіс госа баляөс да вайис. Шуө кесйылөсыслы:

– Менам няньла да совла ветлігкості начкы тайө баляөс, бипур мичаа песты, медым яйыс бура пражитчис.

Иисус муніс сиктө. А кесйылөсыс уджө кутчысис, пондіс балятө кульны. Сэсся бипур пестіс. Перйис балялысь муссө, пражитіс дай сөйис.

Кор Иисусыд бөр воис няньөн да солөн, сійө видзөдліс гөгөр да некытысь эз аддзы балялысь муссө.

– А көн нө балялөн мускыс? – юалө Иисусыд кесйылөсыслысь.

– Кутшом мус? – шензьо кесйылос. – Ме некор эг кывлы, медым балялон мус вөлі.

– Кыдз нө! Дерт, эм сылон мускыс, кызди быд пемөслөн. Веськыда висьтав, мый пражитин сійос да сёйин.

– Ме? Кыдз нө ме сійос верми сёйны, сійо кө збыльысь эз вөв!

– Но виччысьлы! Со туйод мунёны кык морт, паськом сертиныс тыдало, мый найо начкысьяс. Найо и висьталасны, эм-о балялон мускыс.

– Мый көсьясны, медым и висьталасны. Батьой менам скот видзысьон жө вөлі да, некор ме эг кывлы, мый балялон мус эм.

Буретш сійо кадө матыстчисны мунысьяс.

– Бур йоз, сувтлой здук кежло! – шыодчис на динө Иисус. – Ти, видзода да, паськомныд серти начкысьяс. Сидзко, висьталой миянлы, эм-о балялон мус.

– Да, ми начкысьяс, ми тодам, мый балялон эм мус, кызди и мукод пемөслөн.

– Но, кесйылосой, кылин? – юалис Иисус. А кесйылос бара пыксьо, пыр отитор дольо: балялон мускыс пө эз вөв.

Оти кывйө сидз найо эз и воны дай разодчисны: начкысьяс асланыс туйод, а Иисус кесйылосыскөд – ас туйод мододчисны.

Коркө-некоркө кылис Иисус, мый оти озыр мортлөн ена висьмома нылыс. Найо и мунисны сэтчө. Иисусыд шуис, мый сійо оти лунон бурдодас нывсө. Сомын колө вочны сёйысь ичотик керка, медым ни ошинь, ни одзос керкаас эз вөв. Пытшкас пач тэчны. Пачас би колө пестыны, да сидз ломтыны, медым эськө ортсысянныс вөлі сэтшөм жө шоныд, кызди и керка пытшкас.

Кызди вочисны керкасө, пыр и пуктисны лабич вылө висьысь нывтө. Иисус кыскис паськом увсьыс палаш да шуис кесйылосыслы:

– Но, кесйылосой, керав нылыслысь юрсө!

– Ме, дядьо, ог керав нывлысь юрсö, батьöй менам эз вöв морт вийысьöн, ни ме ог ло!

– Ладнö, кесйылöсöй, керала ме юрсö ачым, – и öти öвтыштöмön керыштис нывлысь юрсö. А сэсся шыбитис шойсö ломтысьысь пачö, и ныльд сотчис сэнi пöймöдз. Сэсся Иисусыд босьтис пачсьыс неуна пöймсö, торья нин сийö пöймсö, кодi коли съөлöмсьыс. Буситыштис ки пыдöсас, неуна съөлалыштис дай шуис:

– Чеччы да мун!

И ныльд ловзис, лоис сизим пöв мичаджык вöвлöм сертиыс.

Тайöс ставсö Иисусыдлөн кесйылöсыс аддзылис. Ас кежсьыс мöвпалö: ме пö öни и ачым верма тадзтö вöчны, сiдзкö, ачым верма лоны татшöм жö бурдöдысьöн. Сэсся и шуö Иисусыдлы:

– Дядьö, ог кут сэсся ме тэныд служитны. Тэ менö то гусясьны велöдан, то мортöс вины. Вай менсьым съöм пайöс да муна ме ас туйöд. (Ме öд вунöдi висьтавны, дона лыддысьысьöй, мый Иисусыд босьтчис висьысь нывтö бурдöдны куимсö форинтысь).

– Ладнö, сета ме тэныд съöм, – шуö сылы Иисусыд, – висьтасян кö, мый тэ сёйин балялысь муссö.

– Да, эг ме сёй, дядьö, муссö! Эз вöв мускыс баляыслөн да!

Но Иисусыд век жö сетис кесйылöсыслы сылысь пайсö, да зонмыд мунис аслас туйöд.

Кылис öтчюд миян зонным, мый öти озыр мортлөн ёна висьмöма öтка нылыс. Локтис сэтчö зонмыд, висьтасис бурдöдысьöн, шуис, мый öдийö бурдöдас нывсö, мый вермасны сылы эскыны. Сэсся тшöктис (кызз коркö аддзылис Иисусыльысь), медым вöчисны сёйысь öшиньтöм да öдзöстöм ичöтик керка. Пачсö тшöктис ломтыны пескөн, да сiдз, медым эськö ортсысянныс вöли сэтшöм жö шоныд, кызди и керка пытшкас.

Кодыр ставыс лои дась да зонмыд колис öтнас ныльдкöд, сийö кыскис пась увсьыс палаш, ёсьтис сийöс дай вундiс ны-

лыдлысь юрсö. Сэсся койыштис нывлысь шойсö ломтысьысь пачö. Нылыд весь и сотчис.

А зонмыд сэсся босьтис гормöдчан да, кызди аддзыліс Иисусыдлысь, кыскис пачсьыс неуна пöим. Пуктис ки пыдöсас, неуна сьöлалыштис дай шуис:

– Чеччы да мун!

Видзöдö, видзöдö сійö, а нылыд оз кыпöдчы. Бара пуктис сійö пöимтö ки пыдöсас, бара сьöлалыштис дай шуис:

– Чеччы да мун!

А нылыд бара оз чеччы. Коймöдысь бара ставсö вöчис зонмыд – а нылыд сідз эз и ловзбы. Ёна и повзис мян бурдöдысьыд! Бара, тіралöмөн нин, кураліс пачысь пöим. Пуктис ки пыдöсас, сьöлалыштис да шуис:

– Чеччы жö, урöд! Öд кутасны менö! Чеччы, сё мокасьтöй! Öд öшöдасны менö, он кө ловзбы!

Но нылыд сідз эз и ловзбы. Вошис и пöимыс...

А нылыдлөн батысь пондіс нин майшасьны: мый сы дыра вöчö сэнi бурдöдысьыс?

Ыстис месайыд асьыс кесйылöссö, но ичöтик керкаас, бурдöдысь кындзи, некод эз вöв. Висьталіс та йылысь кесйылöс месайыслы, пырисны найö сёйысь вöчöм керкаад дай кутісны бурдöдысьтö. Кисö көрталісны. Сэсся аддзисны палашсö, кодөн нывлысь юрсö вундöма. Петкөдісны найö мыжа морттö да ёрдö сетісны. Ёрдыд шуис бурдöдысьтö вины, рельö öшöдны.

Вайöдісны рель дінö да көсийсны нин öшöдны. Друг зонмыд корис нöшта öтчид, медбөрьяысь, видзöдлыны гөгөр. Сетісны сылы медбөрья позянлун. Видзöдö-видзöдö сійö гөгөр дай аддзö: вöвлöм месайыс сылөн сы дінö мышкөн сулалö. Мыжаыд горөдіс:

– Пет, дядьö, да отсав меным, он кө öд, öшöдасны менö пырысь-пыр!

Иисусыд корис, медым сетісны сылы позянлун матыстчыны мыжа дінö.

– Дядьб, ми ёд тодам ёта-моднымос: ме тэныд отсаси, тэно видзи-дозьориті, а ёні тэ менё мезды!

– Нолы, виччысьлы, – шуис Иисус, – тэнад сьыліад гез, сідз ёд?

– Сідз, сідз, дядьб! Ёд ёшодасны, он кё меным отсав.

– Виччысьлэй, – шыёдчис Иисус ёрд дінё, – мылыштёй тайё мортсё. Ме ловзьёда нылёс. Но коді нё сёйис балялысь муссё?

– О, вердысьёй дай енмёй, да ёд эз вёв баляыслён мускыс!

– Ладнё инё, – шуис Иисус, – мунам мекёд!

Пырисны найё сёйысь вёчём ичотик керкаё. Иисусыд пырысь-пыр суйис кисё пачё, кыскис неуна пёим, пуктіс ки пыдёсас, сёлалыштіс да шуис:

– Чеччы да мун!

Сійё жё здукас бать-мам нимкодясьём вылё нывныс чепёсийс, да ёд на и сизим пёв мичаджык вёвлёмсьыс дай дзоньвидза!

Лэдзисны миян бурдодысьяснымос, нёшта на куимсё фронт мынтісны – ёд стёч та мында корліс медводдза бурдодысь ныв бурдодомысь.

Иисус матыстчис пызан дорё да модіс юкны сёмсё куим пельё. А вёвлём кесйылёсыс шензьёмён видзёдё-видзёдё, сэсся кутчысьныс эз нин вермы дай юаліс:

– Мый тэ ёні вёчан, дядьб?! Ми ёд сёмын кыкён! Тэ юклан сёмнымёс куим пельё, а он кык пельё! Кодлы лоё коймёд юкёныс?

– Со тайё юкёныс менам, нывсё ме бурдоді да.

– А модыс?

– А тайё тэныд юкён, тэ босьтчин бурдодны нывсё да.

– А коймёдыс?

– Коймёдыс... лоё сылы, коді сёйис балялысь муссё.

– Батьб! – горёдіс пёрьясысьыд. – Збыльысь, вердысьёй дай енмёй, тайё ме сёйи балялысь муссё, кор тэ ветлін сиктё няньла да совла.

– Со-о-о мый! Тэ кё сёйин сійёс, туйыд тэнад ёні адё, адса биё.

И сійё жё здукас став йёзыслён син водзас антусьяс ёдйё кыскисны пёрьясьысьёс адё.

19. Куда пропала печень ягнёнка?

Однажды Иисус странствовал по земле один. Как-то раз к нему обратился один паренёк, бездельник порядочный:

– Отец! Возьми меня на работу, буду тебе служить до самой смерти.

– Ладно, будь по-твоему, – сказал ему Христос, и дальше они уже вдвоём продолжали путь.

Идут они так по лугу, и говорит слуге Иисус:

– Вот что, парень! Вон там стадо овец, а мне уж и есть захотелось. Если пастух спит, ты его не буди, пусть спит себе праведным сном. Ведь денег-то у нас нет. Пойди туда, поймай одного хорошего барашка: мы его разделаем и зажарим.

– Ой, я, отец, не пойду! Я в жизни никогда ничего не крал, а тем более овец!

– Ну, ладно, слуга, пойду я и принесу его, а ты тем временем сходи в деревню и попроси у людей хлеб да соль.

– Я, отец? Нет, не пойду я! И отец мой не был ни вором, ни попрошайкой. И я таким не стану!

Что ж, пошёл Иисус сам: поймал жирного ягнёнка и принёс его. Говорит он слуге:

– Пока я схожу за хлебом и солью, раздели этого ягнёнка, разведи хороший костёр, чтобы барашек поскорее зажарился.

Иисус пошёл в деревню. А слуга принялся за работу, начал разделять ягнёнка. Потом костёр развёл. Вынул он печень ягнёнка, зажарил её и съел.

Когда Иисус возвратился с хлебом и солью, он огляделся вокруг и нигде не увидел печени ягнёнка.

– А где же его печень? – спрашивает он у слуги.

– Какая печень? – удивился слуга. – Я никогда не слышал, чтоб у ягнёнка печень была.

– Да как же это? Конечно, есть у него печень, как и у всякого животного. Скажи просто, что ты её пожарил и съел.

– Я? Как же я мог её съесть, когда её вообще не было!

– Ну, погоди! Вон по дороге идут два странника, по одежде видно, что они мясники. Вот они и скажут, есть ли у ягнёнка печень или нет.

– Пусть говорят, что хотят. Мой отец тоже пастухом был, но я никогда не слышал, что у ягнёнка есть печень.

Тем временем подошли странники.

– Пойдите минутку, добрые люди! – окликнул их Иисус. – Вы, как я вижу по одежде, мясники. Тогда скажите нам, есть ли у ягнёнка печень.

– Да, мы мясники и знаем, что у ягнёнка есть печень, как и у всех других животных.

– Ну, парень, слышишь? – спросил Иисус. Но слуга всё упорствовал, всё твердил и стоял на своём: у ягнёнка ни грамма печени не было.

Так к единому слову не пришли да и разошлись: странники пошли своей дорогой, а Иисус со слугой – своей.

Как-то прослышал Иисус, что у одного богатого человека очень сильно заболела красавица дочь. Вот они и пошли туда. Иисус сказал, что за один день он вылечит девушку. Надо лишь построить из кирпича маленький домик, выложить печь, но в домике не должно быть ни дверей, ни окон. В печи нужно развести огонь, да такой, чтобы снаружи было так же тепло, как и внутри домика.

Как только построили домик, сразу же на лавку положили большую девушку. Иисус достал из своей мантии палаш и сказал:

– Ну, слуга, отруби этой девушке голову!

– Я, отец, не стану рубить голову, потому что и мой отец не был палачом, и я им не буду!

– Ладно, слуга, отрублю голову я сам.

И вот одним взмахом Иисус отрубил девушке голову, а потом бросил тело в горячую печь, и оно сгорело там дотла. Лишь зола осталась.

Тогда Иисус взял из печи чуть-чуть золы, как раз той золы, где было сердце девушки. Посыпал он её себе на ладонь, поплевал и сказал:

– Вставай и иди!

И вот девушка ожила, стала в семь раз краше, чем прежде.

Всё это наблюдал слуга. Подумал он, что и сам уже научился этому мастерству. Значит, и из него уже может получиться такой доктор. Вот он и говорит Иисусу:

– Ну, отец, не буду я у тебя больше служить: то ты меня воровать учишь, то убивать. Отдай мне мои деньги, и пойду я своей дорогой. (Я ведь забыл сказать, дорогой читатель, что Иисус за триста форинтов взялся вылечить больную девушку.)

– Ладно уж, дам тебе денег, – говорит ему Иисус, – если признаешься, что ты съел печень ягнёнка.

– Да не ел я, отец, печени! Не было же печени-то у ягнёнка!

Однако Иисус всё же отдал слуге его долю, и тот пошёл своей дорогой.

И прослышал парень, что у одного богатого человека очень сильно заболела его единственная дочь. Вот и пошёл он туда, выдал себя за лекаря и сказал, что он вылечит девушку, что на него можно положиться.

Приказал он, чтобы из кирпича построили маленький домик, но чтоб без окон и дверей, как когда-то видел у Иисуса. Печь же велел натопить дровами, да так, чтобы и снаружи было так же жарко, как и внутри дома. Когда всё было готово и лекарь остался наедине с девушкой, он вытащил из-под тулуи палаш, наточил его и отрезал девушке голову. Потом бросил он девушку в горящую печь. Там девушка и сгорела дотла.

Затем лекарь взял кочергу и, как видел это у Иисуса, выскреб немного пепла из печи. Положил этот пепел себе на ладонь. Поплевал чуть-чуть и сказал:

– Вставай и иди!

Смотрел он, смотрел, но девушка не появилась. Снова положил он пепел на ладонь, но девушка по-прежнему не появлялась. То же самое он проделал и в третий раз, но девушка так и не ожила. Ох, не на шутку испугался наш лекарь! Снова полез он в печь выгребать золу. Положил он снова её на ладонь, поплевал и сказал:

– Вставай же ты, свинья, ведь схватят меня! Вставай же ты, скотина, ведь меня повесят, если ты не воскреснешь!

Но девушка так и не ожила. Исчез и пепел.

А хозяин тем временем уже тревожиться начал: что же так долго там делает лекарь? Послал хозяин своего слугу, но тот в домике никого не нашёл, кроме лекаря. Рассказал об этом слуга своему хозяину, вошли они в домик и схватили горе-лекаря. Скрутили ему руки. Потом нашли у него палаш, которым он отрубил девушке голову. Выволокли они виновника и передали в руки закона. Суд же приговорил его к смерти, повесить!

Подвели его к виселице и уж собирались повесить. Но вдруг он попросил разрешения ещё раз, в последний раз, посмотреть вокруг. Ему это разрешили. Смотрит, смотрит он вокруг и видит: Иисус стоит к нему спиной. Закричал преступник:

– Выйди, отец, и помоги мне, а то меня сейчас повесят!

Иисус попросил разрешения подойти к виновному.

– Отец, мы же знаем друг друга: я помогал тебе, охранял тебя, а теперь ты спаси меня!

– Постой-ка, – сказал Иисус Христос, – у тебя на шее верёвка, правда ведь?

– Да, да, отец, вот и повесят же, если не поможешь мне.

– Погодите, – обратился Иисус к суду, – простите вы этого человека. Я воскрешу ту девушку. Но кто же съел печень ягнёнка?

– О, святая Троица, да не было у ягнёнка печени!

– Ну, ладно, – сказал Иисус, – пойдём отсюда!

Пришли они вместе в маленький кирпичный домик. Иисус сразу же сунул руку в печь, нашёл немного золы, положил на ладонь. Потом поплевал и сказал:

– Вставай и иди!

И в тот же миг на радость родителям явилась девушка, да в семь раз краше прежнего и, главное, здоровая.

Отпустили наших лекарей с честью и достоинством, заплатили им триста форинтов – ведь именно за эту плату лекарь обещал вылечить девушку.

И вот Иисус подошёл к столу и начал делить деньги на три части. А бывший слуга всё смотрел да смотрел, наконец, не выдержал и спросил:

– Что ты сейчас делаешь, отец? Ведь нас всего лишь двое! Ты же на три части делишь деньги, а не на две! Кому третья часть?

– Вот эта горстка денег моя, поскольку я вылечил девушку.

– А вторая?

– Это твоя часть, поскольку ты взялся вылечить девушку.

– А третья?

– Третья?.. Будет тому, кто съел печень ягнёнка.

– Отец! – громко вскрикнул обманщик. – Честное слово, во имя святой Троицы, это я съел печень ягнёнка, пока ты ходил в деревню за хлебом и солью.

– Во-о-от как! Если это ты съел её, то дорога тебе теперь в ад, в вечный огонь!

В тот же миг у всех на виду черти быстро унесли лжеца в ад.

20. Горш мортӧс накажитӧм

Иисус да вежа Петыр ветлӧдлісны му кузя. Ӧтчид веськалісны найӧ кутшӧмкӧ карӧ. Кар дорын оліс ӧти зэв озыр морт. Ветлысь-мунысьясид сы дінӧ и шыӧдчисны войковтны. А озыр мортыд лэдзчысис полысь улӧ:

– Ми эськӧ и лэдзим тӧянӧс узыны, да полам: тани сэтшӧмторьяс вӧвлісны!.. Узымӧдчывлісны миянын, а сесся куштӧсны миянӧс. Сэксањь и полам лэдзны войковтны.

Иисусыд и шуӧ:

– Гашкӧ, лэдзанныд жӧ миянӧс. Оз кӧ позь керкааныд, лэдзӧй кӧть нин ӧшинь уланыд. Сэні ми и узым.

Мӧвпалісны-мӧвпалісны гозьяыд дай воисны ӧти кывйӧ: ӧшинь улӧ локтысьясӧс ӧтилаын овмӧдны оз позь. Эсійӧс, кодӧ арлыдаджык, узымӧдам пӧ горничаын, а мӧдсӧ водтӧдам пӧ аскӧд орччӧн – тадзи найӧ оз вермыны пышйыны.

Войнас месайыдлы оз узысьы. Матыстчис сійӧ горнича ӧдзӧс дінас, томан розьӧдыс видзӧдліс. Атӧ дивӧ! Горничаас син ӧрӧмӧдз югыд! Дай мыйӧнкӧ бриньӧдчӧм кылӧ! Тэрыба гӧтырӧ садьмӧдіс:

– Кылан? Эсійӧ пӧрысь локтысьыслӧн сьӧмыс – тшем! Чеччы! Вай виям сійӧс!

А гӧтырыс шуӧ:

– Вийтӧдзыс тэныд колӧ гу кодйыны.

Петіс надзӧникӧн месайыд да керка саяс пондіс гу кодйыны. Сэтшӧмӧс кодйис, мый ачыс нин оз вӧлі тыдав. Сӧмын виччысьтӧг муыд гу весьтад топӧдчис, да месайыд сэні и коліс.

А гӧтырыс виччысьӧ верӧссӧ: пырысь-пыр верӧсыс локтас, медым озыр локтысьтӧ вины. Асыв нин воис, а месайыс век на абу.

Асывнас локтысьясид туйо мөдөдчисны. А во мысти найо бөр воисны сийо жө карас. Бара найо локтісны сийо жө керкас, көні найо войколасны. И бара найо вөзйысисны узыны. Месаньыд эз нин пов, мый локтысьяс сылысь мыйкө гусяласны.

– Лэдза тиянөс, лэдза узыны, – шуо нывбабаыд, – радпырысь кора!

Весиг и пажынөн вердіс. Сөйиганыс Иисусыд и юалис, эм-ө сылөн верөсыс.

– Весиг ог и төд, – сьөкыда лолыштіс месаньыд.

Иисусыд бара юалө, кыз нө пө тэ он төд, эм-ө тэнад верөсыд!

– Дзонь во нин коли, кыз өти войо муніс да өнөдз ог төд, кытчө сийо вошис. Ог весиг төд, ловья-ө сийо али кулөма.

А Иисусыд пыр юасьө, мыйла муніс верөсыс гортсьыс.

– Оксайөй, тайөс ме некодлы ог вермы висьтавыны.

– Но өд меным тэ верман висьтавыны.

– Ог, некодлы ог вермы!

– Сідз он и висьтав?

– Ог... Но инө, сөмын тэныд, оксайөй, и висьтала. Дзонь во нин колис, кызди миянө локтісны кык ветлысь-мунысь. Отиыслөн вөлі зэв уна сьом. Верөсөй мөвпыштіс: «Вай сийөс виям, а сьомсө босьтам!» Ме шуи верөслы, медым медводз гу кодйис. Сэксаень сийо и вошис.

Бара юасьө пөрысь пөльыд:

– А тэ көсьян эськө бара верөстө аддзывыны?

– Ой, дерт! Сэтшөм окота аддзывыны донаөс! Ставсө эськө сеті сы вөсна!

Иисусыд петіс керкасьыс, пөльыштіс сэтчө, көні гуыс вөлі. Сөмын пөльыштіс, – муыс друг паськаліс да сэтысь месайыс петіс.

20. Наказание жадному человеку

Иисус и святой Петр странствовали по земле. Однажды они забрели в какой-то город. На окраине города жил один очень богатый человек. Вот и попросились они переночевать у этого человека. А богач сделал вид, что боится:

– Мы пустили бы вас на ночлег, но боимся: здесь такое бывало!.. Останавливались у нас однажды ночевать, а потом обокрали нас. Вот с тех пор и боимся кого-либо брать на постой.

И говорит Иисус:

– А может, все-таки пустите нас? Если в доме нельзя, то пустите нас хотя бы во двор. Там мы и проведем ночь!

Думали-думали старик со старухой и решили, что во дворе поселять пришельцев вместе нельзя. Тот, кто постарше (Иисус), будет спать в горнице, а второго (святого Петра) положат рядом с собой – так они не смогут вместе сбежать.

Ночью не спалось хозяину. Подошел он к двери, посмотрел в замочную скважину. Ну и чудеса! В горнице светлым-светло! Да и бряцание какое-то слышится!

Быстренько разбудил хозяин жену:

– Слышишь! У того пришельца-старика уйма денег. Вставай! Давай-ка мы убьем его!

А жена говорит:

– Прежде чем его убить, тебе надо яму вырыть.

Вышел тихонечко хозяин во двор и начал рыть яму. Такую яму вырыл, что уже и сам не был виден в ней. Но вдруг земля сомкнулась над головой хозяина, да хозяин-то там и остался.

А жена всё ждёт да ждёт: вот-вот вернется хозяин, чтоб богатого постояльца-то порешить. Уж и утро настало, а хозяина все нет и нет.

Утром странники отправились в путь, а через год вернулись в этот же самый город. Опять они пошли в дом, куда их пускали переночевать. И опять они попросились на ночлег. Хозяйка уже не боялась, что пришельцы обкрадут её.

– Пущу я вас, пущу на ночлег, – сказала женщина, – милости прошу!

И даже ужином накормила их. Во время трапезы Иисус спросил у женщины, есть ли у неё муж.

– Я не знаю.

Иисус спросил, как это она не знает, есть у неё муж или нет.

– Вот уж год, как он ночью ушел, с тех пор не знаю, куда пропал он, куда подевался. Не знаю даже, жив ли он или умер уже.

А Иисус все спрашивает да спрашивает, почему же ушёл хозяин.

– Я, мой господин, никому не могу этого рассказать.

– Но мне-то ты можешь рассказать.

– Ох, никому я не могу рассказать!

– Так и не расскажешь?

– Нет... Ну, ладно, только вам, господин мой, и расскажу. Вот уже целый год прошёл, как к нам приходили два странника. У одного из них было много денег. Муж задумал: «Давай убьем его, а деньги заберём!» Я сказала мужу, чтобы он сначала яму вырыл. С тех пор он и пропал.

Опять спрашивает старик-пришелец:

– А хотела бы ты снова увидеть его?

– Ох, конечно! Так хотелось бы увидеть своего благоверного! Всё бы отдала за это!

Иисус вышел во двор, дунул на то место, где была яма. Как только он дунул, земля вдруг разомкнулась, и вышел из неё хозяин.

Пасйӧдъяс вылӧ

Для заметок

Пасйодъяс вылө

Для заметок

Путь в лес, путь на полях, — следы встали — встал
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

— И дало враньям вилыбыла их. На том же — вилыбыла
Сиди прости!

Пасйӧдъяс вылӧ Для заметок

Лекция 1. Основы теории вероятностей

Лекция 2. Закон больших чисел

Лекция 3. Центральная предельная теорема

Лекция 4. Матрица ковариаций

Лекция 5. Матрица корреляций

Лекция 6. Матрица моментов

Лекция 7. Матрица дисперсий

Лекция 8. Матрица дисперсий-ковариаций

Лекция 9. Матрица дисперсий-корреляций

Лекция 10. Матрица дисперсий-моментов

Лекция 11. Матрица дисперсий-моментов-корреляций

Лекция 12. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий

Лекция 13. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов

Лекция 14. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций

Лекция 15. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий

Лекция 16. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов

Лекция 17. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций

Лекция 18. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий

Лекция 19. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов

Лекция 20. Матрица дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций-дисперсий-моментов-корреляций

Литературно-художественное издание

Вёвлёмтор? Али вёвлыгёмтор?

Мадьяр притчаяс

Быль? Или небыль?

Венгерские притчи

На коми и русском языках

Перевод с венгерского на коми и русский языки

Н.Д. Мановой и О.Сёги

Обложка Г.Н. Шарипков

Редактор В.И. Трошева

Компьютерный макет А.А. Ергакова

Технический редактор Л.Н. Руденко

Подписано в печать 25.07.2010

Формат 60х84/16. Тираж 350 экз. Печать ризографическая

Усл.-печ.л. 3,9. Уч.-изд.л. 2,1

Редакционно-издательский отдел

Коми государственного педагогического института

167982. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25

